
1960
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XVIII, № 2
52

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ

465, Лексингтонъ авеню Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.

G. N. Taube, Editor.

465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XVIII, № 2 (52) Price $ 3.oo yearly August 1960

СОДЕРЖАНІЕ :

Проф. А. Д. Бубновъ.

УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что въ войнѣ съ Японіей нашу морскую силу преслѣдовалъ рядъ несчастій и что обстановка на морѣ почти постоянно складывалась не въ нашу пользу. Однако — сколь и не была эта война для насъ дѣйствительно «несчастной», — все же въ ея теченіи былъ одинъ моментъ, когда эта обстановка сложилась для насъ особенно благопріятно, и, будь этотъ моментъ надлежащимъ образомъ использованъ, военныя дѣйствія на морѣ приняли бы такой оборотъ, что исходъ всей войны могъ бы быть совсѣмъ иной, чѣмъ оказался въ дѣйствительности.

Послѣ гибели «Петропавловска» 12 апрѣля 1904 года стратегическая обстановка на Желтомъ морѣ настолько для японцевъ улучшилась, что настала для нихъ, наконецъ, возможность разрѣшить, поставленную японскому флоту планомъ войны, задачу полнаго обезпеченія морскихъ коммуникацій по этому морю.

Гибелью «Петропавловска» главныя силы нашей эскадры въ Портъ-Артурѣ были сведены на 3 броненосца и 1 броненосный крейсеръ, въ то время какъ Того располагалъ въ Желтомъ морѣ 6-ю броненосцами и 4-мя броненосными крейсерами. При такомъ соотношеніи можно было считать, что господство на морѣ было вполнѣ обезпечено для японцевъ и они могли бы безъ труда воспрепятствовать всякой попыт-

къ наступательныхъ дѣйствій значительно ослабленной нашей портъ-артурской эскадры, тѣмъ болѣе что на великое наше несчастье на «Петропавловскѣ» погибъ Начальникъ Эскадры неустрашимый, рѣшительный и высоко-одаренный вождь — адмиралъ С. О. Макаровъ, отсутствіе коего въ критическіе дни мая мѣсяца во главѣ эскадры имѣло, — какъ увидимъ ниже, — тяжелыя для Россіи послѣдствія.

Считая послѣ гибели «Петропавловска» господство на морѣ вполнѣ обезпеченнымъ тѣсной блокадой Портъ-Артура, адмиралъ Того далъ наконецъ въ серединѣ апрѣля разрѣшеніе на массовыя перевозки японскихъ войскъ по Желтому морю въ Манджурію. Этого распоряженія съ нетерпѣніемъ ожидало японское Верховное Командованіе, ибо исходъ войны непосредственно зависѣлъ отъ быстроты сосредоточенія японской арміи на поляхъ Манджуріи и весь планъ войны былъ поэтому основанъ на срочности морскихъ перевозокъ, сколь возможно скорѣе послѣ начала военныхъ дѣйствій.

Однако до гибели «Петропавловска» адмиралъ Того не давалъ разрѣшенія на высадку войскъ на берегахъ Манджуріи, считая что господство на морѣ у этихъ береговъ еще не въ достаточной мѣрѣ обезпечено и этимъ поставилъ подъ сомнѣніе успѣхъ всего японскаго плана войны. Но обстановка въ серединѣ апрѣля рѣшительно измѣнилась въ пользу японцевъ, — конечно не столько отъ того, что наша эскадра послѣ гибели «Петропавловска», лишилась одного броненосца, сколько отъ того, что на немъ погибъ адмиралъ Макаровъ, энергіи коего, военнаго дарованія и предпріимчивости адмиралъ Того весьма опасался.

Съ тѣхъ поръ какъ адмиралъ Макаровъ прибылъ въ Портъ-Артуръ, оперативная дѣятельность эскадры, коя до тѣхъ поръ была сведена на минимумъ, немедленно ожила и Того опасался, зная свойства адмирала Макарова, что даже съ тѣми незначительными силами, коими онъ располагалъ въ Портъ-Артурѣ, онъ сможетъ серьезно угрожать японскимъ морскимъ сообщеніямъ по Желтому морю. Особенно же адмирала Того озабочивала мысль о томъ, что произойдетъ, когда будутъ поправлены, поврежденныя въ началѣ войны, русскія боевыя суда и адмиралъ Макаровъ окажется тогда во главѣ довольно мощной эскадры. Поэтому-то гибель адми-

рала Макарова освободила адмирала Того отъ этихъ сомнѣній и уже черезъ нѣсколько дней послѣ гибели адмирала Макарова, японскіе войска начали высаживаться на берегахъ Манджуріи, въ тылу Портъ-Артура.

Гибель адмирала Макарова поражающе повліяла на боеспособность нашей эскадры, ибо сильно ослабила духъ ея личнаго состава. Начальникъ Эскадры, послѣдовавшій адмиралу Макарову въ порядкѣ старшинства, считалъ, что его главная задача состояла въ томъ, чтобы сохранить суда эскадры до прихода на Дальній Востокъ эскадры адмирала Рожественскаго, которая спѣшно вооружалась въ Балтійскомъ морѣ; съ этого момента оперативная дѣятельность, — даже легкихъ судовъ Портъ-Артурской эскадры — совсѣмъ прекратилась, ибо новый начальникъ эскадры тому противился, опасаясь потерь.

Но все же среди младшихъ офицеровъ въ Портъ-Артурѣ духъ инициативы и предпріимчивости не былъ совсѣмъ подавленъ и нѣкоторые изъ нихъ начали упорно искать возможности активныхъ дѣйствій.

Въ Портъ-Артурѣ находился минный заградитель «Амуръ», который былъ построенъ специально для постановки большихъ минныхъ загражденій и который являлся прототипомъ этого разряда судовъ, созданныхъ русскимъ кораблестроеніемъ. Командиръ «Амура» былъ капитанъ 2-го ранга Ивановъ, который прибылъ въ Портъ-Артуръ въ составѣ группы офицеровъ, сопровождавшихъ адмирала Макарова, лично имъ избранныхъ.

Такъ какъ, послѣ гибели адмирала Макарова, нельзя было использовать не только большія боевыя суда, но даже и миноносцы для наступательныхъ операцій, вслѣдствіи отрицательнаго къ сему отношенія новаго командованія эскадрой, группѣ молодыхъ офицеровъ, во главѣ съ кап. 2 р. Ивановымъ, пришла мысль использовать для этой цѣли «Амуръ», — тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе неосторожности самихъ японцевъ этому представлялся подходящій случай.

Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ какъ началась высадка японскихъ войскъ на берегахъ Манджуріи вбли-

зи Портъ-Артура, «дежурный отрядъ», составленный изъ 3-хъ броненосцевъ японскаго флота крейсировалъ днемъ передъ Портъ-Артуромъ, чтобы немедленно пресѣчь всякую попытку выхода русскихъ судовъ изъ Портъ-Артура въ море; этотъ дежурный отрядъ крейсировалъ на виду Портъ-Артура каждый день неизмѣнно тѣми же курсами, такъ что наши офицеры наблюденіемъ съ высоты Ляотешана смогли точно опредѣлить эти курсы и нанести ихъ на карту, при чемъ имъ пришла мысль поставить поперекъ этихъ курсовъ минное загражденіе съ «Амура».

Кап. 2 р. Ивановъ запросилъ тогда у командованія эскадры позволеніе исполнить эту операцію. Послѣ продолжительныхъ колебаній Начальникъ Эскадры согласился, но при непремѣнномъ условіи, что «Амуръ» не удалится отъ Портъ-Артура больше чѣмъ на 7 миль, чтобы оставаться подъ защитой береговыхъ батарей. Хотя зона, въ которой обычно крейсировалъ японскій «дежурный отрядъ» находилась въ разстояніи 10-11 миль отъ Портъ-Артура, кап. 2 р. Ивановъ удовлетворился этимъ разрѣшеніемъ, ибо ему нужно было лишь получить разрѣшеніе на выходъ въ море, а тамъ онъ про себя твердо рѣшилъ, что какъ только выйдетъ въ море, то неукоснительно доведетъ задуманную операцію постановки загражденія до конца, не считаясь съ ограниченіями, которыя ему начальникъ эскадры поставилъ.

Операція эта была очень трудно выполнима и опасна. Выполнить ее ночью было невозможно, ибо всякую ночь по портъ-артурскому рейду крейсировали многочисленные японскіе миноносцы, которые бы немедленно атаковали и потопили «Амуръ», при попыткѣ его выйти въ море подъ покровомъ темноты. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было поставить загражденіе такъ, чтобы японцы это не замѣтили, и потому въ распоряженіи командира «Амура» оставалось короткое время на зарѣ, когда японскіе миноносцы покидали воды Портъ-Артура, а «дежурный отрядъ» еще не появлялся, чтобы ихъ смѣнить въ блокадной службѣ. Такъ какъ этотъ промежутокъ времени былъ довольно неопредѣленный, необходимо было, при выполненіи операціи, считаться съ рискомъ внезапнаго появленія на горизонтѣ «дежурнаго отряда» во время ея выполненія, и тогда, конечно, вся операція была

бы обречена на неуспѣхъ, а самъ «Амур» вѣроятно былъ бы японцами потопленъ.

Благопріятная обстановка для выполненія этой операціи сложилась 14 мая: на зарѣ передъ Портъ-Артуромъ появился густой туманъ, и «Амуръ» немедленно вышелъ въ море. Гарнизонъ Портъ-Артура со страхомъ и трепетомъ наблюдалъ съ высотъ выходъ «Амура» въ море, ибо клотики его мачтъ торчали изъ низкой полосы тумана. Когда «Амуръ» находился уже близко къ своей цѣли — т. е. мѣста, гдѣ должно было быть поставлено загражденіе — появились вдали мачты «дежурнаго отряда», который быстро приближался, но «Амуръ» изъ-за тумана не видѣлъ. Когда «Амуръ», поставивъ загражденіе, повернулъ назадъ, «дежурный отрядъ» находился отъ него всего лишь на разстояніи 5 миль, но счастье ему благопріятствовало, ибо туманъ разошелся какъ разъ послѣ того, какъ онъ вошелъ въ Портъ-Артуръ; разойдись онъ на какихъ-либо полчаса раньше «Амуръ» былъ бы уничтоженъ, а операція не имѣла бы успѣха, ибо ея тайна была бы японцамъ открыта и загражденіе вытралено.

На слѣдующій день 15 мая около 11 часовъ японскій «дежурный отрядъ», въ составѣ 3-хъ броненосцевъ и 2-хъ легкихъ крейсеровъ попалъ на загражденіе, при чемъ броненосецъ «Хатсузе» и «Яшима» получили тяжелыя поврежденія; чтобы эти суда могли справиться со своими поврежденіями, «дежурный отрядъ» застопорилъ машины, а въ 12 часовъ «Хатсузе» наскочил на вторую мину и немедленно потонулъ. Послѣ этого броненосец «Шикишима» попытался взять на буксиръ поврежденнаго «Яшиму», что ему удалось лишь послѣ продолжительныхъ попытокъ, и лишь въ 15 часовъ отрядъ началъ медленно удаляться отъ Портъ-Артура, но въ 17 часов буксиръ лопнулъ, и «Яшима» въ свою очередь потонулъ.

Изъ этого видно, что японскій «дежурный отрядъ», находясь въ бѣдственномъ положеніи, оставался на виду Портъ-Артура больше 4-хъ часовъ.

Но такъ какъ начальникъ нашей эскадры твердо держался своего рѣшенія о сохраненіи во что бы то ни стало своихъ боевыхъ судовъ, онъ не предпринялъ почти никакихъ оперативныхъ мѣръ, чтобы эксплоатировать блестящій результатъ операціи «Амура».

Когда съ наблюдательныхъ постовъ было доложено, что два японскихъ броненосца подорвались на минахъ, нѣсколько офицеровъ энергично требовали отъ Начальника Эскадры, чтобы онъ приказалъ срочно развести пары на всѣхъ боеспособныхъ судахъ эскадры, съ тѣмъ чтобы эскадра немедленно вышла въ море, какъ только пары будутъ подняты. Но Начальникъ Эскадры на это не согласился, а далъ лишь позволенiе на то, чтобы вышли въ море миноносцы. Около 12 часовъ минная флотилiя вышла въ море и попыталась атаковать броненосецъ «Шикишиму», но была отбита легкимъ крейсеромъ и принуждена была вернуться подъ защиту береговыхъ батарей.

Насколько всѣмъ, кромѣ начальника эскадры, была очевидна необходимость использовать создавшуюся исключительно благопрiятную обстановку и выйти въ море, видно напримѣръ по тому, что броненосецъ «Полтава», который въ моментъ бѣдствiя японскаго «дежурнаго отряда» былъ подъ парами, немедленно отдалъ свои швартовы, и двинулся, по инициативѣ командира, къ выходу на рейдъ, ибо онъ былъ увѣренъ, что эскадра выйдетъ обязательно въ море; но сигналомъ адмирала ему было приказано вернуться назадъ на свои швартовы въ гавани.

Въ тотъ моментъ, когда 15 мая въ японскомъ «дежурномъ отрядѣ» произошла катастрофа и японцы потеряли два броненосца изъ 6-ти, которые составляли ихъ главные силы, стратегическая обстановка на театрѣ военныхъ дѣйствiй въ Желтомъ морѣ была нижеслѣдующая:

Въ открытой и неукрѣпленной бухтѣ Ентоу на берегахъ Манджурiи въ Корейскомъ заливѣ, высаживались передовыя части 2-ой японской армiи силой въ 2-1/2 дивизiи; войска были уже высажены и устраивались на берегу, а на самомъ морскомъ берегу у воды были разбросаны орудiя, обозныя телѣги, лошади, боевые запасы, артиллерiйскiе парки и разный матерьялъ. На рейдѣ передъ этимъ берегомъ стояло на якорѣ, — подъ защитой нѣсколькихъ малыхъ устарѣлыхъ боевыхъ судовъ, около 20-ти еще не разгруженныхъ транспортовъ. Большое число пустыхъ транспортовъ находилось на возвратномъ пути въ Японiю и должно было пройти въ те-

ченіи 16, 17 и 18 мая сквозь Шантунгскій проливъ, отдѣлявшій Корейскій заливъ отъ Желтаго моря. 17 мая должна была выйти изъ Корейскихъ портовъ Чинампо и Нандензы въ Ентоу, — подъ защитой трехъ совсѣмъ устарѣлыхъ боевыхъ судовъ, — 10-ая дивизія 2-ой арміи, посаженная на двадцати транспортахъ и шли **безъ всякой защиты.** Эта транспортная флочасть 2-ой арміи силой въ 1-1/2 пѣхотныхъ и 1-ой кавалерійской дивизіи; эти войска были посажены на 70-ти транспортахъ и шли **безъ всякой защиты.** Эта транспортная флотилія должна была, — по группамъ — пройти на пути въ Ентоу черезъ Шантунгскій проливъ въ теченіи 16, 17 и 18-го и слѣдующихъ дней.

Такимъ образомъ въ теченіи первыхъ критическихъ дней послѣ гибели «Хатсузе» и «Яшима» почти весь японскій транспортный флотъ находился частью въ неукрѣпленныхъ портахъ и бухтахъ побережья Корейскаго залива, а частью былъ безъ всякой защиты въ пути на коммуникаціонной линіи Японія — Ентоу. На этомъ транспортномъ флотѣ были 4 японскихъ дивизіи, а 2-1/2 дивизіи находились на незащищенномъ берегу въ Ентоу.

Для обезпеченія этой огромной десантной операціи, которая протекала въ непосредственной близости Портъ-Артура, адмиралъ Того, послѣ гибели броненосцевъ «Хатсузе» и «Яшима», — располагалъ въ водахъ Портъ-Артура лишь 4-мя броненосцами и 2-мя броненосными крейсерами. Между тѣмъ броненосный крейсеръ «Касуга» столкнувшись ночью съ 15-го на 16-ое мая съ крейсеромъ «Іошино» ушелъ въ ремонтъ въ Японію, броненосный крейсеръ же «Асама» выполнялъ спеціальную задачу, а адмиралъ Камимура съ 4-мя броненосными крейсерами находился въ Японскомъ морѣ и могъ бы присоединиться къ адмиралу Того не раньше 19 мая.

Положеніе, въ коемъ оказался адмиралъ Того было дѣйствительно критическое. Такъ какъ вслѣдствіе ухода «дежурнаго отряда» блокада Портъ-Артура была прервана, надо было ожидать, что русскіе используютъ этотъ благопріятный случай для какой-либо наступательной операціи.

Важныхъ объектовъ для такой операціи было два: 1) — Корейскій заливъ въ тылу Портъ-Артура, на берегахъ коего

происходила высадка 2-ой арміи, и гдѣ на небольшомъ пространствѣ было сосредоточено значительное число транспортовъ съ войсками и громаднымъ военнымъ матерьяломъ; и 2) — Коммуникаціонная линія Корейскій заливъ — Японія, по которой шли транспорта съ войсками изъ Японіи въ Манджурію и возвращались въ Японію пустые транспортныя суда.

Адмиралъ Того могъ бы «прикрыть» оба эти операціонныя направленія только лишь немедленнымъ возстановленіемъ прерванной тѣсной блокады Портъ-Артура, для чего онъ долженъ былъ бы со своей эскадрой занять передъ Портъ-Артуромъ позицію, которую покинулъ «дежурный отрядъ». Находясь со своей эскадрой въ моментъ бѣдствія «дежурнаго отряда» на островахъ Эліотъ, Того не могъ бы раньше ночи 15 мая возстановить блокаду Портъ-Артура и такимъ образомъ нашимъ морскимъ силамъ оставалось цѣлое послѣ-полдня до ночи свободное время для **незамѣтнаго выхода** въ море, ибо, вслѣдствіе ухода «дежурнаго отряда», — никакихъ японскихъ судовъ передъ Портъ-Артуромъ не оставалось.

Поэтому, если бы адмиралъ Того рѣшилъ двинуться съ эскадрой къ Портъ-Артуру, онъ долженъ былъ бы считаться съ тѣмъ, что могъ бы, — въ случаѣ выхода нашихъ морскихъ силъ въ море — разойтись съ ними въ темнотѣ и они могли бы тогда неожиданно появиться на зарѣ 16 мая передъ Ентоу, въ то время какъ бы онъ самъ находился передъ Портъ-Артуромъ, въ разстояніи 60-ти миль отъ Ентоу. О томъ какова бы была катастрофа, если бы русскіе суда открыли огонь по скопленію частей 2-ой арміи, находившихся на берегу и по транспортамъ стоявшимъ на рейдѣ, и говорить не приходится: — она, конечно, была бы равносильна потери японцами всей войны.

Поэтому адмиралъ Того принялъ единственное правильное рѣшеніе въ этой обстановкѣ, а именно — онъ остался со своей эскадрой на Эліотскихъ островахъ, въ непосредственной близости отъ Ентоу и этимъ закрылъ самое опасное для японцевъ операціонное направленіе русскихъ морскихъ силъ Портъ-Артуръ — Ентоу.

Такимъ образомъ операціонное направленіе Корейскій заливъ — Шантунгъ — Японія осталось совсѣмъ открытымъ и адмиралъ Того не могъ для его прикрытія выдѣлить изъ состава своей эскадры даже минимальныхъ силъ, ибо онъ не зналъ точно какими силами мы въ данный моментъ располагали въ Портъ-Артурѣ, такъ какъ не зналъ въ какой степени были поправлены, поврежденные въ началѣ войны боевые суда; если бы въ этотъ моментъ хотя бы одинъ поврежденный броненосецъ былъ уже исправленъ, соотношеніе силъ было бы: 4 нашихъ броненосцевъ и 1 броненосный крейсеръ противъ 4 японскихъ броненосцевъ и 2 броненосныхъ крейсеровъ.

Это операціонное направленіе могло бы быть прикрыто лишь 19 мая, ибо раньше этого времени адмиралъ Камимура со своей эскадрой не могъ бы прибыть изъ Японскаго моря въ Шантунгскій проливъ.

Значитъ русскія морскія силы, войдя до наступленія ночи на 15-го мая никѣмъ не замѣченныя изъ Портъ-Артура имѣли передъ собой цѣлыхъ трое сутокъ для развитія интенсивныхъ наступательныхъ дѣйствій противъ этой жизненно важной для японцевъ коммуникаціонной артеріи.

Но начальникъ эскадры не использовалъ исключительно благопріятно сложившуюся обстановку и, вопреки настояніямъ чиновъ своего штаба и эскадры не предпринялъ никакихъ сколько-нибудь цѣлесообразныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ онъ въ этотъ моментъ располагалъ въ Портъ-Артурѣ четырьмя совершенно исправными, новыми крейсерами, главная стратегическая цѣль коихъ, помимо развѣдки, состояла именно въ нападеніи на непріятельскія морскія сообщенія. Если бы, пользуясь перерывомъ блокады 15 мая эти крейсера вышли въ море и направились бы въ Шантунгскій проливъ, куда прибыли бы на разсвѣтѣ 16 мая, сіе бы имѣло для японцевъ катастрофическія послѣдствія, ибо — какъ мы уже знаемъ — въ этотъ день и въ ближайшіе затѣмъ дни черезъ этотъ проливъ должны были проходить въ обоихъ направленіяхъ многочисленные, груженные войсками и пустые транспорта, такъ что наши крейсера нанесли бы японской транспортной флотиліи громадныя потери.

Между тѣмъ, даже сравнительно незначительныя потери въ этой транспортной флотиліи, могли бы привести къ потери войны Японіей. Дѣло въ томъ, что — какъ уже было сказано — успѣхъ японскаго плана войны былъ основанъ на быстромъ сосредоточеніи японской арміи въ Манджуріи, чтобы опередить сосредоточеніе тамъ нашихъ войскъ, прибывающихъ по сибирскому пути изъ Россіи; для достиженія этого подъемная способность японской транспортной флотиліи была самимъ планомъ войны доведена до крайняго напряженія и буквально каждый, даже самый малый крейсерокъ былъ на счету. Въ серединѣ мая критичность въ вопросѣ морскихъ перевозокъ въ Манджурію еще болѣе заострилась, ибо эти перевозки начались съ значительнымъ запозданіемъ противъ предположеній плана войны по той причинѣ, что адмиралу Того не удалось, сразу послѣ начала войны, обезпечить достаточную степень господства на морѣ. При такихъ условіяхъ потеря японцами, хотя бы даже только десятка транспортовъ, имѣла дѣйствительно для нихъ катастрофическія послѣдствія, ибо наша армія смогла бы опередить сосредоточеніе ихъ арміи въ Манджуріи.

Такое положеніе вещей создалось потому, что японскій планъ войны былъ расчитанъ на крайнее напряженіе всѣхъ силъ и средствъ, **безъ малѣйшаго,** такъ сказать, **«коэфиціента стратегической безопасности»** вслѣдствіе чего онъ и былъ, въ дѣйствительности, до крайности рискованъ. Но безъ этого риска японцы вообще не могли бы и думать, съ силами коими располагали, вступить въ войну съ нами; и къ сожалѣнію нельзя не признать, что ошибки нашего морского командованія, допустившаго внезапное нападеніе на нашу эскадру японскихъ миноносцевъ и не использовавшаго благопріятную обстановку 15 мая, значительно способствовали тому что японцы, несмотря на крайнюю рискованность своего плана, все же выиграли войну.

Но, въ сущности говоря, рискъ такой потери былъ минимальный, ибо онъ могъ бы имѣть мѣсто лишь въ случаѣ встрѣчи нашихъ крейсеровъ съ эскадрой броненосныхъ крейсеровъ адмирала Камимуры, которую адмиралъ Того вызывалъ изъ Японіи въ Желтое море. Однако даже въ случаѣ этой встрѣчи нашимъ крейсерамъ, принимая во вниманіе соотношеніе скорости хода съ японскими крейсерами, вѣ-

роятно удалось бы уклониться и, во всякомъ случаѣ, избѣжать большихъ потерь. А такъ какъ эскадра адмирала Камимуры могла прибыть въ Шантунгскій проливъ лишь къ 19 мая, то за эти три дня отъ 16 мая наши крейсера давно бы уже исполнили свою задачу нанесли и японцамъ непоправимый стратегическій уронъ.

Но къ неизмѣрному нашему несчастью адмирала Макарова не было въ этотъ моментъ уже въ живыхъ. Будь онъ въ это время во главѣ Портъ-Артурской эскадры, онъ, несомнѣнно, съумѣлъ бы оцѣнить создавшуюся благопріятную обстановку, и не только бы выслалъ въ море всѣ крейсера для нападенія на японскія коммуникаціи, но лично бы ихъ повелъ въ операцію, какъ во время своей жизни неоднократно дѣлалъ при разныхъ дѣйствіяхъ въ водахъ Портъ-Артура. И тогда бы ходъ военныхъ дѣйствій и ихъ исходъ обернулся въ нашу пользу.

Сія упущенная нашимъ морскимъ командованіемъ возможность прежде всего ясно показываетъ какое громадное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій имѣетъ личность вождя.

Затѣмъ въ этомъ случаѣ обнаружилось, помимо неспособности нашего командного состава, — исключая конечно адмирала Макарова, — къ оперативному руководству морскими силами, незнаніе основныхъ началъ военнаго искусства. Искусство это насъ учитъ, что всякая операція — какъ бы незначительна она не была — должна имѣть свое опредѣленное мѣсто въ ходѣ военныхъ дѣйствій: замыселъ, исполненіе и эксплоатація достигнутаго успѣха; только въ такомъ случаѣ операція можетъ имѣть опредѣленное стратегическое вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ такъ называемыя «случайныя» операціи, задуманныя и выполненныя безъ тѣсной связи съ ходомъ военныхъ дѣйствій и безъ эксплоатаціи успѣха, каковой именно и была операція заградителя «Амуръ», остаются въ стратегическомъ смыслѣ безплодными.

Командованіе нашими морскими силами въ Портъ-Артурѣ, воспринявъ замыселъ группы морскихъ офицеровъ, во главѣ съ кап. 2 р. Ивановымъ, о постановкѣ загражденія 14 мая, неукоснительно должна была бы, слѣдуя основнымъ началамъ военнаго искусства, предвидѣть всѣ необходимыя

мѣры для эксплоатаціи возможнаго успѣха этой операціи, и во всякомъ случаѣ должна была бы въ этотъ день и слѣдующіе дни держать всѣ боеспособныя суда подъ парами, или по крайней мѣрѣ извѣстную ихъ часть, отвѣчающую по своей силѣ составу японскаго «дежурнаго отряда».

Тотъ фактъ, что ничего этого сдѣлано не было показываетъ, что командованіе въ Портъ-Артурѣ даже и не помышляло на эксплоатацію возможнаго успѣха «Амура».

Мало того: если оперативное мышленіе командованія текло по руслу военнаго искусства, оно бы, воспринявъ замыслъ операціи загражденія, поставило бы ее на должное мѣсто въ ходѣ военныхъ дѣйствій и отложило бы ее исполненіе недѣли на двѣ-три; дѣло въ томъ, что въ іюнѣ должны были войти въ строй, послѣ ремонта, поврежденные въ началѣ войны два броненосца «Цесаревичъ» и «Ретвизанъ», и наше командованіе располагало бы тогда достаточными силами, чтобы нанести послѣ урока «дежурнаго отряда», рѣшительное пораженіе главнымъ силамъ японскаго флота въ Желтомъ морѣ и обезпечить намъ господство на этомъ морѣ, что немедленно принудило бы Японію къ капитуляціи.

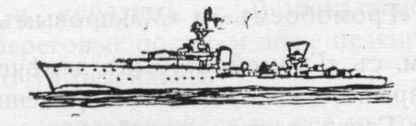
Но если наше командованіе допустило въ дѣлѣ руководства нашими морскими силами рядъ крупныхъ ошибокъ, то и японское командованіе не было въ этомъ отношеніи безъ грѣха.

Японцы въ этой войнѣ первый разъ въ исторіи военноморского искусства примѣнили мины для наступательныхъ цѣлей, забрасывая ими портъ-артурскій рейдъ. До тѣхъ поръ мины въ прежнихъ войнахъ употреблялись исключительно въ пассивно-оборонительныхъ цѣляхъ; вложивъ же впервые въ ихъ употребленіе наступательную идею, они, однако, не подумали о томъ, что русскіе могли бы имъ отвѣтить тѣмъ же; они вѣдь знали, что въ Портъ-Артурѣ находится спеціально для этой цѣли построенный заградитель «Амуръ», однако они не приняли никакихъ мѣръ, крейсируя въ водахъ Портъ-Артура, чтобы предотвратить опасность отъ минъ. Эта крупная ошибка въ оперативномъ руководствѣ стоила имъ двухъ броненосцевъ и едва не привела ихъ къ проигрышу войны.

Замыслъ японскаго плана войны былъ, какъ извѣстно,

основанъ на внезапномъ нападенiи японскихъ миноносцевъ на нашу эскадру на Портъ-Артурскомъ рейдѣ, причемъ японцы расчитывали, что потопятъ такое число нашихъ боевыхъ судовъ, которое бы имъ обезпечило бы господство на морѣ немедленно послѣ начала военныхъ дѣйствiй ; между тѣмъ скромный результатъ нападенiя миноносцевъ (было лишь повреждено 2 броненосца и 1 легкiй крейсеръ) далеко не оправдали ихъ ожиданiй. Однако на слѣдующiй день послѣ нападенiя миноносцевъ, адмиралъ Того, хотя и располагалъ значительнымъ превосходствомъ силъ и хотя наша эскадра на рейдѣ находилась въ большомъ смятенiи, не рѣшился энергично напасть на нее, чтобы добиться господства на морѣ, а ограничился лишь совсѣмъ безрезультатной съ ней перестрѣлкой; вслѣдствiе этого, какъ извѣстно, начало перевозокъ японскихъ войскъ въ Манджурiю запоздало больше чѣмъ на мѣсяцъ, и по этой причинѣ развитiе военныхъ дѣйствiй на сухопутномъ театрѣ войны было поставлено въ критическое положенiе. При составленiи японскаго плана войны не былъ принятъ во вниманiе ни малѣйшiй, такъ сказать, «коэфицiентъ безопасности» для обезпеченiя успѣшнаго выполненiя плана, на случай всегда возможныхъ на войнѣ непредвидѣнныхъ случайностей и потерь. Въ основу плана было положено крайнее напряженiе всѣхъ силъ и средствъ, безъ всякаго «запаса» для возмѣщенiя потерь или возстановленiя неблагопрiятно сложившейся обстановки. Вслѣдствiе этого при выполненiи плана ходъ военныхъ дѣйствiй прошелъ для японцевъ черезъ рядъ кризисовъ, однимъ изъ коихъ былъ случай 14 мая, и успѣхъ выполненiя плана, то есть выигрышъ войны висѣлъ для японцевъ все время, такъ сказать, «на волоскѣ». Однако, несмотря на это, японцы все же выиграли войну, главнымъ образомъ потому, что въ эти критическiе моменты наше командованiе, послѣ смерти адмирала Макарова, держалось пассивно и оказалось неспособнымъ использовать благопрiятной обстановки для энергичныхъ наступательныхъ дѣйствiй.

А. Бубновъ.

Контръ-адмиралъ Б. П. Дудоровъ.

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ А. И. НЕПЕНИНЪ

(Продолженіе)

ГИБЕЛЬ ПАЛЛАДЫ.

28-го сентября происходила смѣна дежурства крейсерскихъ бригадъ несшихъ дозорную службу впереди минныхъ загражденій устья Финскаго залива.

Уже наканунѣ этого дня, при осмотрѣ крейсеромъ «Адмиралъ Макаровъ» замѣченной у банки «Аяксъ» лайбы, оказавшейся голландской, онъ подвергся атакѣ подводной лодки, обнаружить которую высланнымъ туда «Новику» и миноносцамъ не удалось. А такъ какъ вскорѣ затѣмъ постъ Гангэ и самъ Начальникъ 1-ой Бригады к.-а. Коломейцевъ видѣли въ томъ же районѣ взрывъ, а германскія суда въ морѣ весь день упорно вызывали кого-то по радіо, то явилось предположеніе, что атаковавшая «Макарова» лодка сама погибла на загражденіи.

Когда Вторая бригада подъ флагомъ к. а. Лѣскова вступила въ дежурство, находившіеся въ дозорѣ «Паллада» и «Баянъ» пошли въ Ревель, куда уже шелъ изъ Лапвика и Коломейцевъ съ «Громобоемъ» и «Макаровымъ».

Въ 11 ч. 15 м. съ «Громобоя» былъ замѣченъ на зюйдъвестъ большой взрывъ, о которомъ одновременно донесли посты Дагерорта и Гангэ, точно опредѣлившіе пеленгами его

мѣсто. Но ни посланный туда Коломейцевымъ «Новикъ», ни миноносцы «Рѣзвый» и №№ 216 и 219, ничего, кромѣ образа Спасителя изъ каютъ-компаніи «Паллады», чудесно всплывшаго изъ нѣдръ погибшаго крейсера, не нашли. Какъ выяснилось потомъ, шедшій за нимъ въ семи кабельтовыхъ «Баянъ», внезапно увидѣлъ черное облако окутавшее «Палладу», еще два-три взрыва и, когда облако разсѣялось... тамъ уже ничего не было. Вслѣдъ за тѣмъ, замѣтившій у себя подъ кормой слѣдъ перископа, «Баянъ», открывъ по нему огонь, далъ полный ходъ, уходя въ Ревель. Въ пару минутъ «Паллада» исчезла, унося съ собой свыше шестисотъ жизней своего экипажа.

НОВЫЯ ЗАДАЧИ СЛУЖБЫ СВЯЗИ.

Трагедія «Паллады» глубоко потрясла всю Россію. Но, быть можетъ, ни для кого, кромѣ самыхъ близкихъ родныхъ погибшихъ на ней людей, не была она столь драматичной, какъ для Начальника Службы Связи Непенина.

Вся его работа по созданію этой части Балтійскаго флота шла подъ положеннымъ имъ самимъ девизомъ, рожденнымъ въ кровавой эпопеѣ Портъ-Артура: «ЧТОБЫ ФЛОТЪ НЕ ГИБЪ У СВОИХЪ БЕРЕГОВЪ». И, пока борьба ограничивалась примѣненіемъ основного оружія — надводныхъ судовъ, это заданіе выполнялось отлично. Какъ уже было отмѣчено, береговые посты съ большой точностью обнаруживали даже мѣста вѣроятныхъ постановокъ непріятелемъ минныхъ полей, благодаря чему самоотверженная и тяжелая работа отрядовъ тральщиковъ исполнялась въ кратчайшее время и съ наибольшимъ успѣхомъ.

Теперь катастрофа «Паллады» кровавымъ путемъ выявила, что противъ грознаго подводнаго оружія, способнаго при большомъ радіусѣ дѣйствія, невидимо проникать даже сквозь минныя поля, долго держаться на выгодной для удара позиціи, подходить къ намѣченной жертвѣ на дальность минного выстрѣла и, поразивъ ее, безнаказанно скрыться въ глубинѣ моря, береговые посты, и даже пеленгаторныя радіостанціи, были почти безсильны.

Не оправдала возлагавшихся на нее въ этомъ отношеніи

надеждъ и гидро-авіація. Выполняя приказанія Штаба Флота слѣдить за подводными лодками я лично неоднократно леталъ наблюдателемъ для обслѣдованія указанныхъ намъ районовъ. Но ни разу обнаружить лодку не удалось. Малѣйшая рябь на морѣ дѣлала его поверхность непроницаемой глазу. И, съ другой стороны, нерѣдко случалось, что ложную тревогу вызывали косяки многочисленныхъ осенью въ этихъ водахъ утокъ. Вспугнутые аэропланомъ онѣ, при взлетѣ въ строѣ двойного пеленга, давали на водѣ слѣдъ весьма схожій со слѣдомъ идущей подъ перископомъ лодки. Да и аппаратовъ у насъ тогда, благодаря эмбарго наложенному Франціей и Англіей на заказанные тамъ еще до войны аппараты и моторы, еще было слишкомъ мало для такой службы, требовавшей непрерывнаго наблюденія за обширной площадью моря.

Требовалось найти путь не только къ наблюденію за видимыми и даже радіо-пеленгуемыми движеніями врага, но и проникать въ самые его планы ЧИТАТЬ его мысли и оперативныя распоряженія, СЛѢДИТЬ за нимъ и въ его портахъ и въ морѣ.

Никакая внѣшняя агентура Морского Генерального Штаба заграницей выполнить это конечно не могла. А когда ей и удавалось кое что о его намѣреніяхъ узнать или угадать, ея донесенія нерѣдко запаздывали да, конечно, не могли быть и вполнѣ точными.

Казалось бы, что разрѣшеніе подобной задачи требовало не менѣе, какъ самого подлиннаго ЧУДА. И, вотъ, это то чудо Непенинымъ и его сотрудниками было осуществлено.

« АГЕНТУРА X » . *)

Найденный на «Магдебургѣ» сигнальный кодъ германскаго флота самъ по себѣ не предоставлялъ возможности читать

*) Матерьяломъ для настоящей главы служили главнымъ образомъ воспоминанія кап. 2-го ранга Ф. Ю. Довконта, бывшаго исторіографа Штаба Командующаго Флотомъ, изложенныя въ рядѣ писемъ мнѣ. Къ глубокому прискорбію всѣхъ знавшихъ этого блестящаго офицера, котораго высоко цѣнилъ и Непенинъ, и съ которымъ меня лично связывала многолѣтняя служба, Федоръ Юльевичъ скончался 10 апрѣля с. г. въ Буэносъ-Айресъ, гдѣ онъ возглавлялъ Литовскую колонію Аргентины. Миръ праху его на далекой чужбинѣ. Б. Д.

его радіо-телеграммы, перешифровывавшіяся каждые двадцать четыре часа въ полночь по особымъ шифрамъ («Альфа-Гамма» или «Гамма-Альфа») *)

Однако, кромѣ кода, въ рубкѣ «Магдебурга» былъ найденъ и рядъ служебныхъ инструкцій, карты квадратовъ Балтійскаго моря и другихъ документовъ, наиболѣе существенная часть которыхъ была размножена Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ въ видѣ секретныхъ книжекъ, разосланныхъ по заинтересованнымъ штабамъ частей флота.

Какъ было сказано раньше, Непенинъ задолго до гибели «Магдебурга» уже приказалъ радіостанціямъ постовъ Службы Связи точно записывать всѣ непріятельскія радіо, какъ они ими принимались, и передавать эти записи въ его штабъ, гдѣ онѣ и сохранялись.

Теперь, съ полученіемъ кода и шифровъ, здѣсь было приступлено къ тщательной ихъ сортировкѣ и попыткамъ найти ключи къ ихъ чтенію, въ связи съ упомянутыми выше матерьялами съ «Магдебурга», для чего было образовано спеціальное въ немъ отдѣленіе во главѣ съ кап. 1 р. М. П. Давыдовымъ.

Параллельно такую же работу велъ въ свою очередь и Флагманскій Радіо-Телеграфный Офицеръ Штаба Командующаго Флотомъ кап. 2 р. И. Н. Ренгартенъ, бывшій въ тѣсномъ контактѣ со Штабомъ Службы Связи. И именно ему принадлежала честь первой частичной расшифровки одной изъ радіо крейсера «Аугсбургъ», дававшаго рандеву у южнаго берега полуострова Ристна. Но кому именно оно назначалось прочитать не удалось. Эссенъ немедленно выслалъ на мѣсто миноносцы, но они никого тамъ не нашли. *)

Велась она самостоятельно и въ нѣкоторыхъ штабахъ частей флота. Такъ флагманскій штурманскій офицеръ Штаба Бригады Крейсеровъ кап. 2 р. Н. Н. Крыжановскій говоритъ, что «еще до организаціи «Чернаго Комитета» (шифровальной группы Шпитгамна. Б. Д.) намъ на крейсера была

---

*) Черноморъ. "Волны Балтики". Стр. 142. О пріоритетѣ Ренгартена въ дѣлѣ расшифрованія говоритъ и кап. 2 р. Ф. Ю. Довконтъ.

выдана копія кода и мы сами работали надъ расшифровкой и открытіемъ «фековъ» (названіе данное на нашемъ флотѣ перешифровальнымъ таблицамъ). Было это сугубо секретно, даже отъ офицеровъ, по причинѣ болтливости многихъ. На «Рюрикѣ» у насъ штабъ былъ очень маленькій по желанію Бахирева. Я былъ флагманскимъ штурманомъ и вмѣстѣ и старшимъ флагъ-офицеромъ. У меня было два младшихъ флажка — мичм. Тимофѣевскій и подпоручикъ по Адм. Максимовъ... Онъ владѣлъ великолѣпно англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками. Онъ и производилъ у насъ расшифровку...

Адріанъ Ивановичъ былъ не прочь переманить Максимова къ себѣ, но Коронатъ не соглашался». *)

Главной задачей являлось раскрытіе «ключа дня», служившаго основой перешифровки. Въ этой работѣ принималъ участіе также Штабъ Англійскаго Флота, которому Русскій Морской Генеральный Штабъ переслалъ вмѣстѣ съ двумя экземплярами кода (одинъ въ копіи) и всѣ изданные имъ матерьялы. И, когда, наконецъ, эта задача была разрѣшена, тотъ изъ штабовъ, который раньше улавливалъ новый «ключъ», немедленно извѣщалъ объ этомъ другой.

Постепенно эта работа достигла такого успѣха, что, уже черезъ часъ по вступленіи въ силу новаго «ФЕКА», та сторона, которая первой его раскрывала, сообщала его другой простой частной не шифрованной телеграммой, съ цѣлью не привлекать вниманія къ ней при передачѣ черезъ кишевшую германскими агентами Швецію.

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТЪ.

Какъ только были достигнуты первые, хотя еще и слабые, но подававшие надежду, успѣхи въ дѣлѣ раскрытія шифровъ, Непенинъ, со свойственнымъ ему исключительнымъ умѣньемъ дѣлать изъ фактовъ выводы и облекать ихъ въ активную и организованную форму, сосредотачиваетъ эту работу на радіостанціи Шпитгамнъ.

*) Письмо автору 8-8-59. — "Коронатъ" — прозвище Мих. Коронатовича Бахирева.

Для этой цѣли туда назначается шесть избранныхъ имъ офицеровъ. И во главѣ ея ставится добытый Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ опытный въ дѣлѣ чтенія шифрованныхъ депешъ иностранныхъ посольствъ въ Петербургѣ специалистъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Ветерлейнъ, съ которымъ прибыли и нѣкоторые изъ его помощниковъ. Во избѣжаніе какихъ-либо сомнѣній въ средѣ команды станціи относительно его нѣмецкой фамиліи, которыя могли возникнуть подъ вліяніемъ мерзкой и вредной агитаціи ведшейся «Новымъ Временемъ», уже возбуждавшей эстонское населеніе Прибалтійскаго края, ему была присвоена фамилія «Поповъ», подъ которой онъ и числился въ Морскомъ Вѣдомствѣ.

Само собой разумѣется, что никакихъ сомнѣній въ отношеніи личныхъ качествъ назначеннаго имъ на Шпитгамнъ персонала Непенинъ не имѣлъ. Все же, хорошо зная человѣческую натуру, онъ принимаетъ рѣшительныя мѣры къ предотвращенію самой возможности нескромности или простого недостатка критерія кого-либо въ вопросѣ о томъ, что и въ какой степени можетъ повредить дѣлу, ставъ достояніемъ легкомысленныхъ постороннихъ лицъ.

Исторія о томъ, какъ находка въ каютахъ офицеровъ «Магдебурга» нумерованныхъ казенныхъ плетей — «кошекъ» — явно предназначавшихся, какъ въ старыя времена парусныхъ флотовъ съ ихъ вербованными командами, для физическаго воздѣйствія на дисциплину команды, стала достояніемъ широкой гласности, такія опасенія вполнѣ подтверждала. Не только лишь случайно дошедшій до Начальника Морского Генеральнаго Штаба адмирала А. И. Русина, слухъ о томъ, что на одномъ великокняжескомъ обѣдѣ супруга виднаго сановника открыто объ этомъ болтала, но и, еще болѣе послѣдовавшее опубликованіе того же факта въ прессѣ самой Ставкой Верховнаго Главнокомандующаго, ясно говорило съ какимъ легкомысліемъ, даже столь отвѣтственный органъ могъ относиться къ фактамъ имѣвшимъ огромное значеніе. Тамъ отлично было извѣстно и о нахожденіи на крейсерѣ сигнальнаго кода. Но никому, повидимому, не пришло въ голову, что опубликованіе находки плетей могло навести непріятеля на мысль о тщательномъ обыскѣ произведенномъ на кораблѣ русскими, а, слѣдовательно и о возможности находки ими при этомъ и болѣе секретныхъ вещей и, даже,

самого, имѣвшаго такую огромную стратегическую цѣнность сигнальнаго кода и, въ результатѣ онъ былъ бы немедленно замѣненъ новымъ.

И, вотъ, во избѣжаніе чего либо подобнаго, всѣмъ чинамъ таинственнаго «Чернаго Кабинета», какъ весьма мѣтко окрестили Шпитгамнскую группу тѣ, кто, по своимъ прямымъ обязанностямъ, зналъ о ея существованіи, было приказано написать своимъ роднымъ, что, получивъ особое назначеніе, гдѣ они находятся въ полной безопасности и ни въ чемъ не нуждаются, они до самого конца войны не могутъ посылать имъ писемъ. Письма же на ихъ имя должны адресоваться въ Службу Связи, откуда они будутъ имъ доставляться. Послѣдняя будетъ также сама извѣщать о нихъ ихъ родныхъ въ случаѣ нужды.

Характерный для красочнаго языка Непенина эпизодъ разсказывалъ одинъ изъ членовъ этой группы: *)

«При организаціи Чернаго Кабинета пріѣхали на Шпитгамнъ специалисты по расшифрованію. Вылощенные и корректные, какъ въ ихъ министерствѣ и полагалось. Осмотрѣли съ ужасомъ станцію и спрашиваютъ: «а женъ можно привезти?» Доложили Адріану, а онъ говоритъ: «что? женъ? Никакихъ женъ. Чешитесь о сосны». **)

Съ той же цѣлью засекреченія работы Шпитгамна самое имя станціи никогда, ни по радіо ни въ письменныхъ сношеніяхъ и донесеніяхъ о движеніяхъ непріятеля, не упоминалось, замѣняясь таинственнымъ источникомъ — «АГЕНТУРА Х».

Отсюда возникла даже легенда о существованіи и работѣ какой-то «Непенинской» группы агентовъ развѣдки, проникавшихъ даже въ тылъ германскихъ армій. И въ безудержной фантазіи одного изъ бывшихъ летчиковъ Воздушной Дивизіи Балт. моря, получившей оформленіе въ газетныхъ фельетонахъ, возникли даже и особый авіаціонный отрядъ, якобы состоявшій подъ его командой и бывшій въ личномъ

---

*) Бывшій тамъ мичманомъ Марковъ, переведенный въ Сл. Связи съ "Рюрика". (Письмо кап. 2 р. Н. Н. Крыжановскаго 8-8-59).

**) Подлинное выраженіе Непенина, неподходящее для печати, мною смягчено. Б. Д.

распоряженіи Непенина, и нѣкій агентъ, котораго по распоряженію послѣдняго онъ, якобы, доставлялъ въ тылъ германскаго фронта и подбиралъ его оттуда съ добытыми имъ свѣдѣніями. *)

На самомъ дѣлѣ все это подлинное ЧУДО РАЗВѢДКИ, было всецѣло результатомъ блестящей организаціонной работы самого создателя Шпитгамна и усерднаго труда его сотрудниковъ, безвѣстно творившихъ свое большое дѣло въ этомъ затерянномъ въ глуши сосноваго лѣса «скиту» Службы Связи.

И, какъ только работа этой «АГЕНТУРЫ Х» достигла своего изумительнаго успѣха, сама Служба Связи становится уже не только простымъ наблюдательнымъ органомъ Штаба Командующаго Флотомъ.

Все чаще и чаще Оперативная часть Штаба и самъ Командующій направляютъ исполнителей своихъ оперативныхъ плановъ къ ея начальнику — Непенину — какъ для полученія информаціи о послѣдней обстановкѣ, такъ и для ИНСТРУКТИРОВАНІЯ имъ по выполненію данной задачи въ соотвѣтствіи съ условіями этого момента.

И нерѣдко случалось, что, уже по выходѣ въ море, послѣдній, на основаніи послѣдующихъ данныхъ, самостоятельно срочно слалъ исполнителю операціи позднѣйшія свѣденія, радикально мѣнявшія весь первоначальный ея планъ.

Но обратимся къ практикѣ дѣла расшифровки нѣмецкихъ радіо.

ТЕХНИКА РАСШИФРОВКИ ГЕРМАНСКИХЪ КОДОВЪ.

Работа начатая Ренгартеномъ по существу своему являлась тѣмъ, что представляетъ собою популярная въ Америкѣ игра «СПЕШІАЛ КРОСС ПАЗЗЛ», въ которой требуется составить цѣлое изъ разрѣзанной на всевозможной формы мелкіе куски картины. Только въ данномъ случаѣ приходи-

*) Газета "Россія" 1937 г. номера 841-859 "Бой надъ Ангеромъ". Упоминаемый въ фельетонахъ офицеръ въ началѣ войны, будучи съ подрывной партіей въ "Дикой Дивизіи" на фронтѣ былъ тамъ контуженъ въ голову. Окончивъ Ав. Школу вступилъ въ Авіацію Б. М., гдѣ блестяще несъ боевую службу. По состоянію здоровья въ 1916-мъ году былъ отчисленъ въ Штабъ Воздушной Дивизіи. Б. Д.

лось имѣть дѣло съ перемѣшанными въ общую кучу частицами не одной только, а нѣсколькихъ различныхъ картинъ, что во много разъ осложняло дѣло. И, вотъ, съ момента полученія захваченныхъ на «Магдебургѣ» книгъ, журналовъ и прочихъ документовъ, этой, могущей привести въ отчаяніе своей безнадежностью, игрой, Ренгартенъ занимается цѣлый мѣсяцъ съ изумительной настойчивостью. И въ результатѣ — первый успѣхъ: частично разобранная въ сентябрѣ 1914 г. радіо «Аугсбурга».

Съ этимъ скуднымъ ключемъ всего лишь одной «частичной» расшифровки, и съ помощью найденныхъ на «Магдебургѣ» документовъ, «Черный Кабинетъ» началъ быстро и все шире проникать за, казалось бы, непроницаемую стѣну, охранявшую боевые секреты нѣмецкихъ морскихъ силъ.

И, какъ ни кажется парадоксальнымъ, главнымъ козыремъ въ этой игрѣ «Агентуры Х» явилось именно то свойство нѣмецкаго ума — СИСТЕМАТИЧНОСТЬ, которымъ этотъ дѣловой народъ всегда наиболѣе и справедливо гордился.

Въ русскомъ флотѣ корабли для радіо-телеграфированія раздѣлялись на группы въ зависимости отъ степени вѣроятія ихъ захвата врагомъ, возможности выясненія судьбы пропавшаго безъ вѣсти судна и руководящей роли въ совмѣстныхъ групповыхъ операціяхъ.

Первая группа — подводныя лодки, при исчезновеніи одной изъ коихъ почти невозможно было бы установить погибла ли она или была захвачена, имѣли лишь одинъ присвоенный имъ кодъ. Въ такомъ случаѣ кодъ этотъ — т. е. сама книга свода — подлежалъ замѣнѣ новымъ, въ которомъ вся его внутренняя конструкція измѣнялась коренным образомъ.

Вторая группа — транспорты — имѣли свой кодъ и, въ случаѣ нужды, снабжались и кодомъ той группы, совмѣстно съ которой оперировали.

Третья категорія — легкія боевыя силы — кромѣ присвоеннаго ей кода имѣла и коды двухъ первыхъ. И только линейные корабли и крейсера снабжались всѣми четырьмя кодами.

Обычно всякое радіо давалось только по ОДНОМУ коду, т. е. НЕ РЕПЕТИРОВАЛОСЬ по другимъ, за исключеніемъ

крайней необходимости для связи съ судами первыхъ двухъ категорій.

Каждый кодъ имѣлъ ДВѢ отдѣльныя книги — НАБОРНУЮ, въ алфавитѣ главнаго слова распоряженія или информаціи, и РАЗБОРНУЮ — въ алфавитѣ основнаго шифра, который еще перешифровывался по шифру дня.

Расшифровать незнающему всю систему шифровки было чрезвычайно трудно.

У нѣмцевъ было то же раздѣленіе флота на группы, но КАЖДАЯ ИЗЪ НИХЪ имѣла только СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ КОДЪ. Поэтому радіо касающееся двухъ или болѣе группъ всегда РЕПЕТИРОВАЛОСЬ ПО ВСѢМЪ ИХЪ КОДАМЪ.

НАЙДЕННАЯ НА «МАГДЕБУРГѢ» КНИГА ЯВЛЯЛАСЬ ГЛАВНЫМЪ И САМЫМЪ ПОЛНЫМЪ ИЗЪ НИХЪ, И ПОТОМУ БЫЛА ОСОБЕННО ЦѢННА.

Достаточно было расшифровать радіо по этому коду, чтобы имѣть возможность получить данныя для раскрытія соотвѣтствующихъ мѣстъ (словъ и фразъ) во всѣхъ остальныхъ.

А данныхъ этихъ германскій флотъ давалъ очень много.

Во-первыхъ пользованіемъ радіо связью нѣмцы слишкомъ злоупотребляли. Благодаря этому не только накапливался все время новый и новый матерьялъ для работы Чернаго Кабинета, но, съ помощью радіо-пеленгованія, удавалось опредѣлять номера квадратовъ моря, въ которыхъ телеграфирующія суда находились. А такъ-какъ нерѣдко они при этомъ и сами давали свое мѣсто, или мѣсто рандеву (квадратъ моря), то это позволяло, при наличіи картъ квадратовъ, найденныхъ на «Магдебургѣ», раскрывать и соотвѣтствующія мѣста шифровъ.

Второй существенной ошибкой нѣмцевъ была чрезмѣрная систематичность въ отдачѣ ежедневно рутинныхъ служебныхъ распоряженій частямъ флота и даже отдѣльнымъ судамъ по радіо.

Такъ, напримѣръ, немедленно вслѣдъ за измѣненіемъ въ полночь перешифровальнаго «ключа», передвигавшаго вер-

тикально столбцы буквенныхъ сочетаній свода, отдавались идентичныя приказанія дежурнымъ судамъ вродѣ слѣдующаго: «Въ 0 час. 5 мин. подлодкѣ (слѣдуетъ ея позывныя) выйти изъ Неуфарватеръ (это у Данцига), обойти красный буй у Хела и возвратиться».

Подобныхъ радіо въ первый же часъ сутокъ, бывало болѣе десяти различнаго содержанія. И часто къ 0 ч. 30 м. и почти всегда къ 1 ч. 30 м. «ключъ» новаго шифра былъ или у насъ или у англичанъ «въ карманѣ».

Даже, когда въ 1916 году на германскомъ флотѣ была введена СОВЕРШЕННО НОВАЯ СИГНАЛЬНАЯ КНИГА, въ которую вошли и новыя слова и цѣлыя фразы, самый кодъ былъ оставленъ въ старомъ алфавитномъ порядкѣ, что позволило ИНТЕРПОЛИРОВАТЬ неизвѣстныя мѣста и такимъ образомъ СОСТАВИТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО НОВУЮ ГЕРМАНСКУЮ КОДОВУЮ КНИГУ НЕ ИМѢЯ ЕЯ ВЪ РУКАХЪ.

Успѣхъ этой изумительной по своимъ размѣрамъ, кропотливости и проникновенности въ методы работы нѣмецкихъ составителей кода, долженъ быть, конечно, отнесенъ къ таланту и опыту Ветерлейна-Попова.

Но блескъ ея результатовъ, въ неменьшей степени ложится и на ея піонера кап. 2 р. Ренгартена и, въ особенности, на ея ОРГАНИЗАТОРА — создателя Шпитгамна и всей таинственной «Агентуры Х» — НЕПЕНИНА.

Кап. 2 р. Довконтъ разсказываетъ, что, когда въ 1937 году, объѣзжая, по должности Инспектора Коммерческаго Мореплаванія Литвы, Германію въ сопровожденіи приставленнаго къ нему фрегатъ-капитана Вибе, онъ разсказалъ послѣднему подробно о подраздѣленіи ихъ новой книги кода на «шесть отдѣловъ» и какіе сигналы въ ней «для большей конспиративности» были повторяемы въ ней до шести разъ подъ разными сочетаніями, тотъ съ изумленіемъ спросилъ: «гдѣ вы видѣли эту книгу?» «Вашей книги я никогда не видѣлъ» — отвѣтилъ онъ — «она была составлена нами по вашимъ радіо». «Вибе поистинѣ остолбенѣлъ», — говоритъ онъ. *)

---

*) Письмо 4-12-56 г.

Ею пользовался, какъ упоминалось выше, и Англійскій флотъ, заранѣе узнавая о налетахъ Цеппелина на Лондонъ и о выходахъ германскихъ кораблей въ море.

И у насъ въ Черномъ морѣ ни одинъ выходъ Гебена противъ нашихъ тихоходныхъ старыхъ судовъ не имѣлъ успѣха такъ-какъ о каждомъ изъ нихъ было своевременно извѣстно отъ самихъ же нѣмцевъ, ни на минуту этого не заподозрѣвавшихъ.

Когда въ октябрѣ 1916 года нѣмцы рѣшили атаковать якобы, по ихъ свѣдѣніямъ, базировавшіяся на Балтійскій Портъ суда, и съ этой цѣлью послали туда въ густомъ туманѣ одиннадцать своихъ новыхъ истребителей, изъ которыхъ семь погибло и два были повреждены на минныхъ загражденіяхъ въ устьѣ Финскаго залива, Служба Связи совершенно точно знала обо всемъ происходящемъ изъ ихъ собственныхъ переговоровъ по радіо. Но, когда объ этихъ потеряхъ было нами опубликовано, они съ пѣной у рта опровергали эту «ложь», говоря, что въ бывшемъ густомъ туманѣ никто не могъ бы этого видѣть.

«Правда, не видѣлъ никто», подтверждаетъ это и чинъ Штаба Русскаго Флота, «но слышали ихъ вопли о помощи тѣ, кому слѣдовало это слышать среди насъ». *)

Германскій же Штабъ и изъ этого эпизода не вывелъ должныхъ заключеній.

Было бы слишкомъ долго говорить даже вкратцѣ о всѣхъ случаяхъ сообщенія Службой Связи полученныхъ «АГЕНТУРНО Х» свѣдѣній о движеніяхъ и намѣреніяхъ врага въ Балтійскомъ морѣ въ теченіе двухъ-лѣтней успѣшной борьбы 1915-16 г.г. нашего флота съ подавляюще сильнѣйшимъ врагомъ.

Придетъ время, когда болѣе подготовленный къ такой работѣ безпристрастный историкъ, съ подлинными и систематизированными матерьялами въ рукахъ, скажетъ объ этой борьбѣ и ея вождяхъ свое слово и отдастъ должное всему личному составу Балтійскаго Флота. И тогда имя адмирала Адріана Непенина станетъ на заслуженную высоту въ рядахъ «славныхъ дѣтищъ Петрова».

---

*) Кап. 2 р. Довконтъ. Письмо автору 4-12-56 г.

Но уже и при жизни это имя стало съ первыхъ же мѣсяцевъ 1915-го года окружаться благодарнымъ почтенiемъ въ глазахъ знавшаго его работу команднаго состава, и, даже своего рода ореоломъ всезнающаго добраго колдуна, неустанно оберегающаго ихъ отъ «внезапной смерти» — въ рядахъ матросовъ активно дѣйствовавшихъ частей флота.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные отзывы и разсказы тѣхъ, кто самъ на себѣ испыталъ благодѣтельную руку Службы Связи и ея Начальника.

«Всѣ командиры активно участвовавшихъ въ операцiяхъ судовъ» говоритъ бывшiй командиръ минныхъ заградителей «Уралъ», а позднѣе «Амура», *) благодаря даваемой имъ адмираломъ «обстановкѣ въ морѣ» называли его ихъ ангеломъ-хранителемъ, охраняющимъ ихъ отъ всякаго сюрприза со стороны непрiятеля». Лично ему пришлось получать эту обстановку два раза. Первый — при походѣ «Урала» въ февралѣ 1916 года черезъ Моонзундъ и ледъ Рижскаго залива для усиленiя поврежденнаго ледяными торосами загражденiя Ирбена. Второй — осенью того же года — командуя «Амуромъ» при походѣ изъ Гельсингфорса въ Моонзундъ, когда были свѣдѣнiя о появленiи около входа въ него непрiятельскихъ подводныхъ лодокъ.

«Мы, всѣ бывшiе командиры отдѣльныхъ активныхъ единицъ, какъ миноносцы, крейсера и мой заградитель никогда не забудемъ какую бодрость и увѣренность въ себѣ намъ передавалъ Адрiанъ Ивановичъ когда мы являлись къ нему передъ выходомъ въ экспедицiю получать обстановку моря. Эта обстановка давалась намъ просто, ясно и отчетливо, такъ что, уходя отъ него, мы знали, что мы можемъ встрѣтить въ морѣ и были потому заранѣе подготовлены ко всему».

А, вотъ образцы сопутствованiя Непенинымъ уже находящихся въ морѣ для выполненiя боевыхъ операцiй частей флота.

Начальникъ Полудивизiона Миноносцевъ Особаго Назначенiя четко рисуетъ въ своихъ воспоминанiяхъ **) слѣдующiй эпизодъ, указывающiй еще и на активность той роли,

---

*) Кап. 1 р. А. В. Витгефтъ — Письмо автору 11-3-56 г.

**) Изустный разсказъ автору б. Начальника Полудивизiона, нынѣ контръ-адмирала К. В. Шевелева. Б. Д.

которую Штабъ Флота предоставлялъ Начальнику Службы Связи даже въ самомъ руководствѣ выполненія данныхъ задачъ.

Въ 1916 году онъ получилъ приказаніе Штаба явиться къ Непенину и ПОЛУЧИТЬ ОТЪ НЕГО УКАЗАНІЯ на предстоящую ему операцію.

Оказалось, что «Агентура Х» сообщила, что нѣмецкій легкій крейсеръ выскочилъ на мель у Стейнорта. Надо было его атаковать.

Давъ точныя инструкціи о курсахъ обходящихъ германскія загражденія Непенинъ сказалъ, чтобы тщательно слѣдили за его радіо и, если онъ прикажетъ возвращаться, немедленно это исполнить. И, дѣйствительно, едва пройдя о. Эзель онъ это приказаніе получилъ. Оказалось, что крейсеръ снялся съ мели и операція являлась безполезнымъ рискомъ.

«Какъ сейчасъ вспоминаю я свои походы на крейсерѣ «Олегъ» въ 1915 году», говоритъ ст. минный офицеръ заградителя «Уралъ», командированный на крейсеръ съ минами и своей командой *) . . . Ночью, когда мы шли къ мѣсту постановки я сидѣлъ и расшифровывалъ радіотелеграммы Непенина: «Въ такомъ-то часу изъ Киля (или Данцига — теперь ужъ не помню) вышли такіе-то нѣмецкіе корабли, курсъ такой-то, скорость такая-то». «Въ такомъ-то часу, тамъ-то находятся такіе-то корабли» и т. д. Словомъ это была скорѣе прогулка, а не серьезный походъ на постановку большого количества минъ загражденія въ водахъ непріятеля. На этомъ загражденіи потомъ взорвалось порядочное количество нѣмцевъ». И тотъ же авторъ воспоминаній говоритъ, что въ апрѣлѣ 1916 г., во время постановки загражденія въ Рижскомъ заливѣ подъ личнымъ руководствомъ адмирала Колчака «Непенинъ все время слѣдилъ за нами и сообщалъ всѣ свѣденія о передвиженіи нѣмецкихъ кораблей».

Дѣйствовавшія въ непріятельскихъ водахъ подводныя лодки, по нѣсколько дней крейсировавшія въ районахъ повседневнаго движенія непріятельскихъ судовъ, всегда служили объектомъ пристальнаго вниманія со стороны Непенина. И бывшій въ прикомандированіи къ англійскимъ лодкамъ русскій офицеръ **) такъ разсказываетъ объ этомъ: «Когда по

*) Ст. Лейт. В. А. Борисовъ. Письмо автору 23-11-57.

**) Лейт. А. Н. Павловъ. Письмо 1956 г.

ночамъ около непріятельскихъ береговъ мы могли ставить мачту, мы съ нетерпѣніемъ ждали вызововъ по радіо, зная, что тамъ дома есть мозгъ и воля, которая заботится о каждомъ изъ насъ «сущихъ въ морѣ далече». *)

Подобныхъ отзывовъ можно было бы привести не мало, но настоящая работа, не имѣющая претензіи дать исторію дѣйствій на Балтійскомъ морѣ, въ этомъ не нуждается, тѣмъ болѣе, что общій тонъ этихъ воспоминаній о Службѣ Связи и ея Начальникѣ чрезвычайно схожъ у всѣхъ ихъ авторовъ. А потому я вынужденъ ограничиться лишь нѣсколькими эпизодами, въ которыхъ наиболѣе выдѣляется та ПОЛЬЗА, которую его работа приносила флоту въ активныхъ операціяхъ его частей.

БОЙ У ЭСТЕРГАНА.

Многочисленные выходы въ море нашихъ миноносцевъ, аккуратно обходившихъ минныя поля поставленныя непріятелемъ въ районахъ ихъ дѣйствій, вплоть до самыхъ прибрежныхъ его водъ, навели, наконецъ, нѣмцевъ на предположеніе, что русскіе КАКИМИ - ТО ПУТЯМИ узнаютъ объ этихъ постановкахъ.

И, вотъ, съ цѣлью полнаго засекреченія предназначенной въ началѣ іюня постановки большого миннаго поля у острова Богшеръ со спеціально переведеннаго въ Балтику изъ Флота Открытаго моря — крейсера-заградителя «Альбатросъ», всѣ приказанія на участвующія въ операціи суда были переданы «письменно по выходѣ въ море». Постановка «загражденія № 4» была выполнена около 2-хъ часовъ ночи благополучно, о чемъ «Альбатросъ» и донесъ по радіо, добавивъ, что онъ «непріятеля не видѣлъ».

Но Служба Связи это радіо приняла. Шпитгамнъ ее расшифровалъ, а пеленгаторныя станціи точно опредѣлили мѣсто ея отправленія. И о постановкѣ этого загражденія Штабъ Русскаго флота узналъ одновременно съ Германскимъ.

---

*) Какъ упоминалось раньше (см. 49 "М. Зап." стр. 27) радіо-связь съ подв. лодками была установлена блгодаря энергичной поддержкѣ Непенинымъ работъ въ этой области П. Е. Стогова и теперь себя оправдывала. Б. Д.

Такимъ же путемъ было обнаружено и поставленное 13-го іюня въ томъ же районѣ «загражденіе № 6», при чемъ были выяснены и позывные самого «Альбатроса», подвергшагося атакѣ подводной лодки «Аллигаторъ», и избѣгнувшаго гибели отъ ея минъ лишь благодаря предупрежденію со стороны обнаружившаго лодку миноносца.

А на слѣдующій день, получивъ извѣщеніе Службы Связи о готовящейся операціи непріятеля «въ районѣ Виндавы» съ бомбардировкой съ моря, Штабъ Флота выслалъ туда подводную лодку «Окунь», а въ Ирбенскій проливъ «Новикъ» съ 5-мъ и 6-мъ дивизіонами миноносцевъ, совмѣстными дѣйствіями которыхъ предпринятая крейсеромъ «Аугсбургъ», охраняемымъ съ моря крейсеромъ «Любекъ» и миноносцами, бомбардировка порта была сорвана, и одинъ изъ гарманскихъ тральщиковъ погибъ на минномъ загражденіи.

Яркой иллюстраціей этой борьбы съ минно-заградительной работой германскаго флота, рѣшившаго во что бы то ни стало, закрыть выходъ нашимъ подводнымъ лодкамъ на пути движенія судовъ вдоль шведскаго побережья и въ районѣ самихъ нѣмецкихъ водъ, является бой у Эстергарна.

Дѣло было такъ. Въ ночь на 18-е іюня изъ Нейфарвассера вышелъ въ море для выполненія новой операціи по постановкѣ минъ отрядъ коммодора Карфъ въ составѣ броненоснаго крейсера «Роонъ», крейсера-заградителя «Альбатросъ» и пяти миноносцевъ. Утромъ же 18-го на соединеніе съ нимъ вышли изъ Либавы стоявшіе тамъ крейсера «Аугсбургъ» и «Любекъ» съ двумя миноносцами. Однако въ густомъ туманѣ эти двѣ части долго не могли найти другъ друга и въ поискахъ одинъ другого посылали многочисленныя радіо.

Между тѣмъ, поскольку позволяетъ судить довольно неясное описаніе этого эпизода капитаномъ 1 р. Люби, пользовавшагося, однако, многими первоисточниками, Командующій Русскимъ Флотомъ адмиралъ В. А. Канинъ, въ свою очередь имѣлъ разработаннымъ планъ активныхъ дѣйствій своихъ крейсеровъ у береговъ Германіи. (Люби упоминаетъ бомбардировку Мемеля совпадающую по времени съ предстоявшимъ по донесенію агентуры смотромъ Императора Вильгельма флоту въ Килѣ. *)

*) Черноморъ. "Волны Балтики". Гл. XXX "Бой у Эстергарна" 303-304.

Донесенія Службы Связи о движеніяхъ непріятеля эти планы измѣнили, но сама готовность Отряда Особаго Назначенія въ составѣ крейсеровъ «Адмиралъ Макаровъ» (флагъ к. а. М. К. Бахирева), «Баянъ», «Богатырь», «Олегъ», «Рюрикъ» и «Новикъ», способствовала тому, что намѣчавшемуся «шаху» со стороны врага могъ быть немедленно противупоставленъ ходъ, грозившій ему «матомъ». И, очевидно, въ связи съ тѣмъ же планомъ, на пеленгаторной радіостанціи Кильконд уже находился и самъ ея создатель — Ренгартенъ, что было существеннымъ факторомъ для точной слѣжки за движеніями непріятеля.

Трудно установить когда именно Служба Связи извѣстила Штабъ Флота о содержаніи радіо-переговоровъ судовъ отряда Карфа. Но, судя по тому съ какой поспѣшностью Бахиревъ снялся съ якоря «не считая возможнымъ задерживаться» *) даже чтобы подождать подхода запоздавшихъ изъ-за тумана миноносцевъ, указываетъ, что уже къ этому моменту весь планъ ранѣе намѣченной операціи былъ измѣненъ.

Не взирая даже на то, что непоспѣвавшій за другими крейсерами «Рюрикъ» отставалъ и въ туманѣ отбился отъ отряда, Бахиревъ, какъ боящійся опоздать на свиданіе влюбленный, на всѣхъ парахъ несся впередъ.

Всю ночь напутствуетъ его Непенинъ своими сообщеніями. И, вотъ, къ удивленію даже офицеровъ его собственнаго корабля, вмѣсто курса на Мемель, приказываетъ идти на Хоборгъ, — южную оконечность острова Готландъ. И вскорѣ по подъемѣ флага семафоръ «Макарова» передаетъ по линіи приказъ адмирала: — «Приготовиться къ бою. Непріятель ожидается прямо по курсу». И, обратившись къ своимъ офицерамъ Бахиревъ пояснилъ: «Непенинъ съ Ренгартеномъ ущучили нѣмцевъ». Полученная имъ радіо «АГЕНТУРЫ Х» сообщала текстъ донесенія коммодора Карфъ: «Задача 7 выполнена. Непріятелемъ не былъ обнаруженъ. Въ одинъ часъ пополуночи **) нахожусь въ квадратѣ 020. Курсъ сто девяносто градусовъ, скорость семнадцать узловъ. Подпись — второй флагманъ и коммодоръ».

*- Черноморъ. "Волны Балтики" стр. 304.
**) По западному времени — въ полночь по русскому.

Потомъ выяснилось, что, выполнивъ задачу, Карфъ, отпустивъ въ Либаву сопровождавшіе его «Роонъ», «Любекъ» и четыре миноносца, самъ на «Аугсбургѣ» съ «Альбатросомъ» и тремя миноносцами легъ на Хоборгъ, считая себя въ полной безопасности, когда, внезапно слѣва по-носу показались дымы, а затѣмъ и силуэты русскихъ кораблей, невѣдомымъ образомъ оказавшихся у него въ тылу, и явно стремившихся, склоняясь влѣво, отрѣзать его отрядъ отъ ухода на югъ.

Все время проходящія полосы тумана и дымовая завѣса съ «Аугсбурга», прикрывающая болѣе тихоходный «Альбатросъ», на нѣкоторое время оттягиваютъ развязку въ тщетной надеждѣ подхода отпущенныхъ въ Либаву и теперь вызываемыхъ обратно судовъ. Но «Альбатросъ» все болѣе и болѣе отстаетъ и русскіе сближаются съ отрядомъ.

Отдавъ приказаніе «Альбатросу» укрыться въ шведскія воды, Карфъ бросаетъ миноносцы между нимъ и русскими съ цѣлью прикрыть его дымовой завѣсой, а самъ на «Аугсбургѣ» полнымъ ходомъ уходитъ на югъ.

Выпущенныя миноносцами мины вынудили крейсера слегка уклониться отъ курса, но они продолжали осыпать «Альбатросъ» своими снарядами, постепенно, пройдя дымовую завѣсу, охватывая его, и накрывая все болѣе дѣйствительнымъ огнемъ. Попавшимъ въ мостикъ снарядомъ раненъ его командиръ и всѣ бывшіе тамъ офицеры.

Преслѣдуемый врагомъ онъ выбрасывается на камни и, ради спасенія людей, спускаетъ флагъ.

Полное довѣріе Бахирева къ сообщеніямъ своего стараго друга Непенина увѣнчало его дѣйствія блестящимъ успѣхомъ.

«Въ сухопутномъ Штабѣ Генерала Алексѣева», — пишетъ находившійся тамъ лѣтомъ 1915 года въ командированіи отъ Штаба Балтійскаго Флота кап. 2 р. Довконтъ, — «авторитетъ флота послѣ этого событія возросъ». И, наряду съ героемъ этого дѣла — Бахиревымъ, имя Непенина, въ глазахъ лицъ знакомыхъ съ дѣломъ поднялось высоко.

ВЪ РИЖСКОМЪ ЗАЛИВѢ. 1915 ГОДЪ.

Всѣмъ участникамъ героической борьбы совершенно несоразмѣрныхъ силъ защитниковъ минныхъ загражденій Ир-

бенскаго пролива противъ цѣлыхъ эскадръ всѣхъ типовъ боевыхъ кораблей противника въ 1915-16-хъ годахъ, отлично памятна та забота о нихъ со стороны Непенина, благодаря которой такъ облегчалась ихъ тяжелая служба. Всегда точныя и своевременныя сообщенія о предстоящихъ движеніяхъ врага позволяли спокойно выжидать того момента, когда требовалось выйти на позицію обороны, а послѣ отраженія его попытки прорыва — дать отдыхъ напряженнымъ въ дѣлѣ нервамъ.

Неоднократныя упоминанія о такихъ услугахъ Службы Связи однимъ изъ авторовъ воспоминаній объ этой эпопеѣ *) ярко рисуютъ эти чувства признательности.

Первая недѣля пребыванія «Славы» въ Рижскомъ заливѣ», говоритъ онъ, «прошла спокойно; нѣмцы не появлялись у Ирбенскаго пролива, но уже ночью съ 25 на 26 іюля (1915 г.) мы получили по радіо информацію отъ Начальника Службы Связи, контръ-адмирала А. И. Непенина, о томъ, что днемъ противникъ произведетъ попытку прорваться въ Рижскій заливъ. Въ информаціи указывался составъ Германской эскадры, которая подойдетъ къ Ирбенскому проливу для выполненія этого плана: 7 линейныхъ кораблей типа «Дейчландъ», «Брауншвейгъ» и «Веттинъ», 4 броненосца береговой обороны типа «Зигфридъ», 2 броненосныхъ крейсера, 10 легкихъ крейсеровъ и множество миноносцевъ и тральщиковъ, предназначенныхъ для прикрытія эскадры со стороны Финскаго залива отъ нашихъ дредноутовъ. Общее количество кораблей принимающихъ участіе въ операціи подъ командой вице-адмирала Шмидта — больше ста . . . Къ полудню «Слава» уже была у Ирбена . . . Подъ конецъ дня, еще до захода солнца, адмиралъ Шмидтъ . . . уводитъ свою эскадру . . . и доноситъ большому штабу . . ., что операція прервана, такъ какъ минная защита очень сильна . . . «Слава», принявшая уже боевое крещеніе, отправляется на ночь въ Аренсбургъ подъ прикрытіе противоминныхъ сѣтей. Минная же дивизія. . . уходитъ на свою якорную стоянку у Цереля».

Впослѣдствіи, когда германскіе броненосцы, появляясь иногда на разсвѣтѣ противъ Церельскаго маяка, своими

---

*) Инж.-механикъ лейтенантъ К. И. Мазуренко "На "Славѣ" въ Рижскомъ Заливѣ". 1949 г.

бомбардировками этой песчаной косы, и перекиднымъ огнемъ, по дежурившимъ за ней миноносцамъ стали производить среди нихъ прозванный «Церельскими побудками» переполохъ, вынуждая ихъ быстро сниматься съ якоря и бросаться въ разсыпную отъ сыпавшихся на нихъ «чемодановъ», оказалось вполнѣ возможнымъ эти безпокойныя и опасныя дежурства прекратить благодаря тому, что о всякой готовящейся новой операціи нѣмцевъ противъ Ирбена всѣ суда узнавали достаточно заблаговременно, чтобы успѣть подойти къ позиціи и съ болѣе отдаленныхъ стоянокъ.

Порою же, когда, какъ напримѣръ 27-го іюля 1915 года, въ ожиданіи появленія непріятеля защитники Ирбена должны были держаться на позиціи въ полной боевой готовности, напряженное состояніе вдругъ разряжалось сообщеніемъ той же Службы Связи о томъ, что его операція отложена и, вздохнувъ свободно, суда возвращались въ Куйвастъ. Силы людей, механизмы кораблей сохранялись отъ безполезной трепки и топливо не расходовалось зря.

Но едва ли когда за всю исторію двухлѣтней борьбы за Рижскій заливъ 1915-16 годовъ съ большей радостью принимались его защитниками радіо Непенина, какъ то, которое сообщало объ оставленіи 8-го августа, 1915 г., прорвавшимися въ него наканунѣ судами эскадры адм Шмидта, потерявшей за пять дней операціи шесть миноносцевъ и нѣсколько тральщиковъ на минномъ загражденіи, одинъ легкій крейсеръ отъ мины подводной лодки «Акула» и броненосный крейсеръ «Мольтке» подорваннымъ миной англійской лодки «Е I», и рѣшившей ее прекратить.

А 7-го ноября послѣ удачнаго поиска «Новика» и миноносцевъ къ Виндавѣ, когда было потоплено нѣмецкое дозорное судно и взята въ плѣнъ его команда, Колчакъ по радіо благодарилъ адмирала Непенина за его блестящія информаціи, посланныя во время операціи. «Благодаря имъ нашъ отрядъ своевременно вырвался и успѣлъ ускользнуть отъ преслѣдованія большихъ непріятельскихъ силъ. Кромѣ кораблей посланныхъ въ погоню, нѣмцы отправили нѣсколько дивизіоновъ къ Ирбенскому проливу съ цѣлью отрѣзать отъ него нашъ отрядъ», говоритъ тотъ же авторъ воспоминаній о дѣйствіяхъ силъ Рижскаго залива въ кампанію 1915 года.

ОТЗЫВЪ КОМАНДОВАНІЯ XII АРМІИ.

Нельзя обойти молчаніемъ интересное воспоминаніе б. старшаго офицера канонерской лодки «Грозящій» *), въ 1916-мъ году стоявшей въ Ригѣ для защиты желѣзно-дорожнаго моста и Штаба XII-й Арміи отъ воздушныхъ налетовъ приспособленными для зенитной стрѣльбы 75-ти м.м. орудіями. По какому-то случаю на засѣданіе по этому вопросу въ штабѣ ему пришлось замѣщать командира.

«Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Начальника Артиллеріи XII-й Арміи генерала графа Ермолова-Евдокимова. Во время него кто-то изъ штабныхъ, можетъ быть самъ генералъ сказалъ мнѣ», — разсказываетъ онъ, — «что Армія наиболѣе вѣрныя данныя о передвиженіяхъ противника на фронтѣ и за фронтомъ получаетъ отъ Начальника Службы Связи Балтійскаго Флота контръ-адмирала Непенина. Къ сожалѣнію», — прибавилъ говорившій, — «адмиралъ Непенинъ не можетъ сообщать столь цѣнныя свѣдѣнія на разстояніи большемъ чѣмъ 60-80 верстъ отъ линіи фронта».

Однако, даже и этотъ фактъ не можетъ служить подтвержденіемъ разсказовъ о посылавшихся Непенинымъ въ тылъ германскихъ линій агентахъ. Поддерживавшія флангъ арміи части нѣмецкаго флота сносились между собою, а можетъ быть даже и съ армейскимъ командованіемъ, по радіо. Перехваченныя Шпитгамномъ телеграммы и могли быть источникомъ тѣхъ цѣнныхъ свѣдѣній, о которыхъ говорилось въ Штабѣ Арміи.

И не только на словахъ выражало Военное Командованіе свою высокую оцѣнку трудовъ Непенина. Въ 1915-мъ году Государь «по засвидѣтельствованію Главнокомандующаго 6-й Арміей объ отлично-усердныхъ трудахъ... понесенныхъ по обстоятельствамъ военнаго времени» (въ связи съ работой по созданію Берегового Фронта Крѣпости — Б. Д.) пожаловалъ его Орденомъ Св. Станислава 1-й степени съ мечами, а

*) Кап. 2 р. А. фонъ-Транзе. Письмо 6-8-56.

менѣе чѣмъ черезъ годъ и Орденъ Св. Анны 1-й степени съ мечами *)

За помощь въ боевой работѣ англійскихъ подводныхъ лодокъ король Георгъ награждаетъ его, со своей стороны, Королевскимъ орденомъ Св. Георга. И посѣтившій въ 1916-мъ году, по личному указанію милостиво относившагося къ нашей Авіаціи Государя, Авіаціонную станцію «Кильгондъ», состоявшій при Ставкѣ адмиралъ Филлиморъ въ своемъ словѣ офицерамъ и командѣ, между прочимъ, сказалъ, что «Все хорошо въ нашемъ англійскомъ флотѣ... ТОЛЬКО НѢТЪ У НАСЪ ТАКОГО АДМИРАЛА, КАКЪ НЕПЕНИНЪ, КОТОРЫЙ ВСЕ ЗНАЕТЪ». **)

А какъ расцѣнивали его работу тѣ, кому на своихъ плечахъ приходилось нести тяжелую боевую службу на передовыхъ позиціяхъ краснорѣчиво говорятъ нижеслѣдующіе факты, избранные изъ многочисленныхъ другихъ хвалебныхъ воспоминаній.

Въ 1916-мъ году по подпискѣ среди офицеровъ судовъ несшихъ службу въ Рижскомъ заливѣ ему была поднесена отъ нихъ серебренная братина въ видѣ модели Церельскаго маяка на подносѣ съ выгравированной на немъ картой залива и надписью — «АДРІАНУ ИВАНОВИЧУ НЕПЕНИНУ БЛАДАРНЫЕ ЗАЩИТНИКИ ИРБЕНА». ***)

Это былъ подарокъ не подчиненныхъ своему любимому начальнику, каковымъ онъ въ отношеніи ихъ кораблей и не былъ, да и лично въ ихъ борьбѣ съ врагомъ съ ними участія не принималъ.

Это было больше: — выраженіе признательности искреннихъ сердецъ за всю ту неусыпную, денно и нощно несенную заботу его не только объ успѣхѣ ихъ борьбы съ врагомъ, не только, даже, о безопасности ихъ кораблей и жизней, а и о

---

*) Высочайшей грамоты или подлиннаго Приказа на послѣднюю награду у меня на рукахъ нѣтъ, и пришлось пользоваться лишь Спискомъ Личнаго Состава Флота, не дающаго мотива награды.

**) Воспоминанія Морск. Летчика кап. Н. В. Румянцева. Письмо 26-4-58.
тиной спискѣ присутствовавшихъ на поднесеніи ея Адріану Ивановичу, имѣются
***) На сохранившемся у вдовы Адмирала О. В. Непениной съ браслѣдующія имена: к.-а. Трухачевъ, к-ны 1 р. Веселаго, Беренсъ, Развозовъ, Подгурскій, к. 2 р. Азарѣевъ, Шевелевъ 1-й, Смирновъ, Рудневъ, Гельмерсенъ, кн. Голицынъ, Вилькенъ, Ивановъ и 4 подписи неразборчивы. Датировано 15 марта 1916 г. Б. Д.

сохраненіи ихъ собственныхъ силъ и нервной энергіи отъ безполезной растраты въ вѣчно тревожной обстановкѣ борьбы на морѣ, съ ея отовсюду грозящей гибелью неожиданностью встрѣчи съ грознымъ врагомъ.

Что же касается оцѣнки его трудовъ со стороны матросовъ, несшихъ боевую работу судовъ то, быть можетъ, трудно найти болѣе яркую иллюстрацію чѣмъ слѣдующее воспоминаніе б. командира тральщика «Минеръ». *)

Осенью 1916 года «Минеръ» съ тральщикомъ № 6 и дивизіономъ моторныхъ катеровъ, возвращаясь съ «поиска» съ тралами въ морѣ, приняли съ поста Службы Связи сигналъ: «Въ пяти миляхъ отъ васъ на нордъ-остъ германская подводная лодка».

«Стоя на лѣвомъ крылѣ мостика», говоритъ онъ, «я слышалъ разговоръ команды, стоявшей внизу: АДРЕЯНЪ ОПЯТЬ ВЫРУЧАЕТЪ. ЕНЪ ВСЕ ЗНАЕТЪ И ВИДИТЪ».

«Это было не единоличное мнѣніе, а убѣжденіе составовъ всѣхъ кораблей, особенно дивизіи траленія», добавляетъ этотъ командиръ одного изъ суденышекъ части, не даромъ своей работой заслужившей имя «клуба самоубійцъ».

Въ рукахъ Непенина Служба Связи съ ея постами, пеленгаторными радіостанціями и «Агентурой Х» служила вѣрнымъ оружіемъ для достиженія поставленной имъ себѣ цѣли — охранять флотъ отъ напрасныхъ потерь, — а двигало этой работой его доброе сердце, горячо любящее флотъ и всѣхъ, вѣрно на немъ служащихъ дорогой родинѣ, людей.

И, почти ничего не знавшіе о техникѣ ея службы, простые люди вотъ это-то чувствовали и цѣнили.

Б. Дудоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Ст. л-тъ В. М. Костенко. Письмо 12-10-59.

П. А. Варнекъ.

Военно-морскія дѣйствія на Черномъ морѣ во Вторую Міровую войну

При отсутствіи какихъ-либо серьезныхъ данныхъ съ совѣтской стороны, описаніе морскихъ дѣйствій на Восточномъ театрѣ является нелегкимъ дѣломъ. Все же, послѣ появленія книги: J. Meister, “Der Seekrieg in der Osteuropaischen Gewasseren”, дающей систематическое описаніе операцій главнымъ образомъ по нѣмецкимъ матерьяламъ, и дополняя эти свѣдѣнія данными, взятыми изъ совѣтской прессы и другихъ источниковъ, можно попытаться сдѣлать критическій разборъ дѣйствій совѣтскаго флота.

Въ большинствѣ, иностранные писатели, не разбирая общей стратегической обстановки на востокѣ, обыкновенно обвиняютъ совѣтскій флотъ въ совершенной пассивности. Дѣйствительно, совѣтскіе корабли, если не считать поддержку, оказанную сухопутнымъ войскамъ и высадкѣ десантовъ, не достигли какихъ-либо показанныхъ успѣховъ. Хотѣлось бы выяснить, какая тому была причина и насколько въ этомъ повинны совѣтскіе адмиралы и моряки.

I. СИЛЫ ПРОТИВНИКОВЪ НА ЧЕРНОМОРСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Къ началу войны на востокѣ совѣтскій Черноморскій флотъ состоялъ изъ стараго линейнаго корабля «Парижская Коммуна», вскорѣ получившаго свое прежнее имя «Севастополь», двухъ не закончившихъ еще испытанія крейсеровъ

въ 8.800 тонъ «Молотовъ» и «Ворошиловъ», трехъ крейсеровъ, спущенныхъ на воду во время первой Міровой войны, изъ которыхъ только «Красный Кавказъ» былъ нѣсколько модернизированъ, и ветерана «Красный Коминтернъ» — бывшаго «Память Меркурія». Минная бригада состояла изъ трехъ лидеровъ, отъ 12-ти до 14-ти новыхъ эскадренныхъ миноносцевъ типа «Б» и «С», причемъ нѣкоторые изъ послѣдней серіи не сдали еще пріемныхъ испытаній, и пяти старыхъ эскад. миноносцевъ времени первой войны. Кромѣ того имѣлось два сторожевыхъ корабля (миноносца) типа «Шквалъ», четыре-пять канонерскихъ лодки типа «Красная Абхазія», строившихся въ 1917 году какъ десантныя суда, и множество катеровъ различныхъ типовъ: сторожевые катера «морскіе охотники» (МО), торпедные катера и т. д. Около 50-ти подводныхъ лодокъ, частично еще достраивавшихся, составляли двѣ бригады подводнаго плаванія. Бригада траленія состояла изъ одного или двухъ быстроходныхъ тральщиковъ типа «Арсеній Раскинъ», дивизіона базовыхъ тральщиковъ типа «Мина» въ 440 тоннъ и катеровъ-тральщиковъ. Во время войны въ тральщики было обращено много мелкихъ судовъ, буксировъ и паровыхъ шаландъ. Несмотря на то, что нѣмцы начали успѣшно примѣнять магнитныя донныя мины уже въ январѣ 1940 года и англичане размагничивали не только военные корабли но и коммерческіе пароходы, высшее совѣтское командованіе не учло значенія этого новаго оружія, о которомъ писали даже совѣтскія газеты, и въ совѣтскомъ флотѣ траловъ для неконтактныхъ минъ не существовало и ничего не было предусмотрено для размагничиванія кораблей. Все это пришлось импровизировать въ періодъ отступленій и эвакуацій базъ.

Авианосцевъ въ совѣтскомъ флотѣ не имѣлось, такъ какъ по совѣтской доктринѣ въ закрытыхъ моряхъ авіація, приданная флоту, должна была съ успѣхомъ дѣйствовать, базируясь на береговые аэродромы. Для этой цѣли флотъ имѣлъ собственную, довольно многочисленную авіацію всѣхъ типовъ до торпедоносцевъ включительно. Но эта авіація находилась въ стадіи перевооруженія, вслѣдствіи чего флотъ не имѣлъ достаточнаго числа самолетовъ всѣхъ типовъ. Поэтому нѣмцы въ первые два года войны имѣли не только количественное, но и качественное превосходство въ воздухѣ. Отсутствіе же авіаносцевъ не позволило истребителямъ,

обладавшимъ малымъ райономъ дѣйствія, прикрывать операціи въ центральной и западной части моря. Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя, значительно затрудняли дѣйствія флота и стоили ему большихъ потерь.

Война началась въ періодъ строительства новаго флота, программа котораго не была еще выполнена. Въ Николаевѣ въ постройкѣ находился линейный корабль, два крейсера, нѣсколько эскад. миноносцевъ и подводныхъ лодокъ. Часть новыхъ кораблей начала войну едва оторвавшись отъ стѣнки заводовъ, и ихъ команды не имѣли времени ни сплаваться, ни изучить новую технику и вооруженіе. Вступленіе въ строй новыхъ кораблей требовало назначенія на командныя должности молодыхъ офицеровъ, при чемъ это произошло въ годы «ежовщины», жертвами которой въ 1937-8 г. г. оказались съ десятокъ адмираловъ и большое число офицерскаго состава. Въ результатѣ всего этого, командирами подводныхъ лодокъ оказались офицеры съ трехъ-четырехлѣтнимъ стажемъ, крейсерами командовали капитаны 2-го ранга и можно предполагать, что, несмотря на ихъ индивидуальныя качества и неустрашимость въ бою, они не обладали достаточнымъ морскимъ опытомъ и военной практикой.

Въ заключеніе можно привести фразу Н. П. Вьюченко, автора книги «Черноморскій флотъ въ Великой Отечественной войнѣ»: Черноморскій флотъ вступилъ въ войну недостаточно подготовленнымъ для веденія борьбы съ сильнымъ противникомъ — .

Съ 1938 года Черноморскимъ флотомъ командовалъ вице-адмиралъ Октябрьскій изъ числа окончившихъ академію спеціально созданную для командировъ эпохи гражданской войны. Должность онъ получилъ послѣ ареста Ежовымъ своего предшественника. Начальникомъ Штаба былъ контръ-адмиралъ Елисѣевъ, замѣненный въ концѣ 1942 года спеціалистомъ подводнаго дѣла контръ-адмираломъ Азаровымъ. Командующимъ эскадрой былъ контръ-адмиралъ Владиміровскій и Начальникомъ Воздушныхъ силъ — генералъ-майоръ Остряковъ. Но въ первый періодъ войны флотъ управлялся военнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ Комфлота, комиссара флота и третьяго члена совѣта, обыкновенно тоже изъ комиссаровъ. Опытъ войны показалъ непригодность

коллегіальнаго управленія, и эта система, также какъ и комиссары на корабляхъ, были упразднены въ 1942 году. Комфлотъ подчинялся Начальнику Морскихъ Силъ Союза адмиралу Исакову, находившемуся въ Ставкѣ. Но въ управленіе флотомъ и въ военныя дѣйствія вообще вмѣшивался всесильный намѣстникъ Сталина на Кавказѣ, ничего не понимавшій въ военномъ дѣлѣ, Берія. Какъ примѣръ можно указать, что въ разгаръ боевъ за кавказскіе перевалы онъ неожиданно убралъ и вѣроятно арестовалъ командующаго и весь штабъ одной изъ армій, оставивъ войска на нѣсколько дней безъ управленія! Впослѣдствіе выяснилось, что эта мѣра была ни на чемъ обоснована, и генералъ былъ реабилитированъ.

Можно думать, что боязнь отвѣтственности передъ малограмотными въ военномъ дѣлѣ инстанціями, обвиненія въ трусости и неисполненіи приказаній сковывали инициативу начальниковъ. Этимъ можно объяснить безцѣльное стояніе подводныхъ лодокъ на позиціяхъ, мимо которыхъ никто не проходилъ, выполненіе по графику операцій, несмотря на измѣнившіеся обстоятельства и безрезультатные походы кораблей къ берегамъ Румыніи, приводившіе лишь къ потерямъ.

Казалось, что серьезнаго противника у совѣтскаго Черноморскаго флота не было. Румынскій флотъ состоялъ изъ четырехъ эскад. миноносцевъ, трехъ старыхъ миноносцевъ, одной подводной лодки и мелкихъ судовъ. Несмотря на назначенныхъ еще до войны на всѣ корабли нѣмецкихъ инструкторовъ, онъ находился въ плохомъ состояніи, и его экипажи и даже командованіе не имѣли никакой охоты къ активнымъ дѣйствіямъ.

Втеченіе войны нѣмцы очень умѣло импровизировали малый флотъ. Уже въ началѣ 1941 года 50 двухмоторныхъ баржъ въ разобранномъ видѣ были привезены въ Констанцу, гдѣ ихъ собирали и вооружали нѣмецкія морскія команды. Къ началу войны дивизіонъ нѣмецкихъ тральщиковъ спустился по Дунаю до Браилова. Втеченіе войны болѣе 500 судовъ было переведено изъ сѣверныхъ морей и центральной Европы въ Черное море, среди нихъ шесть подводныхъ лодокъ въ 280 тоннъ, 16 большихъ торпедныхъ катеровъ и малыхъ подводныхъ лодокъ. Хорватскія команды вооружили и укомплектовали осенью 1941 г. Азовскую флотилію,

составленную изъ захваченныхъ мелкихъ совѣтскихъ судовъ. Болгарія офиціально въ войнѣ съ СССР не была, и ея малыя силы патрулировали лишь свои воды, но всѣ транспорты предоставлены нѣмцамъ.

Главнымъ противникомъ совѣтскаго флота явилась могущественная нѣмецкая авіація и минныя загражденія. Собственно приданная нѣмецкому морскому командованію авіація была немногочисленна и состояла главнымъ образомъ изъ развѣдочныхъ самолетовъ. Но въ періоды боевъ въ прибрежныхъ районахъ появлялись многочисленныя эскадрильи Luftwaffe, IX Корпусъ которой базировался на крымскіе аэродромы въ первые годы войны. Luftwaffe, главнымъ образомъ пикирующіе самолеты и разбрасываемые самолетами магнитныя мины, нанесли тяжелыя потери совѣтскому флоту.

Когда совѣтскій флотъ, ввиду отступленія арміи, утерялъ свои базы и былъ отброшенъ въ дальній уголъ Чернаго моря и потерялъ потопленными или поврежденными почти всѣ надводные корабли, *) которыхъ Потійскій портъ не былъ въ состояніи ремонтировать, нѣмецкій малый флотъ при могущественной поддержкѣ Luftwaffe, несмотря на потерю нѣкотораго количества транспортовъ отъ дѣйствія совѣтскихъ подводныхъ лодокъ и минъ, смогъ выполнить поставленную ему задачу по перевозкѣ войскъ и снабженія. Это положеніе стало измѣняться по мѣрѣ усиленія совѣтской авіаціи въ 1943 году и съ начала 1944 года, когда Luftwaffe, утеряла господство въ воздухѣ, стало неблагопріятнымъ. Торпедные катера и подводныя лодки съ 1942 года вели активныя дѣйствія, но, несмотря на нѣкоторый успѣхъ, прервать совѣтскую коммуникаціонную линію вдоль кавказскаго берега имъ оказалось не подъ силу.

II. НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Несмотря на рядъ предупрежденій и фактовъ, **) указывавшихъ на неминуемость нѣмецкой агрессіи, Сталинъ не

---

*) Н. Вьюченко сообщаетъ, что въ концѣ 1943 года въ строю были: 1 лидеръ, 4 эскад. миноносца и 2 сторожевыхъ корабля.

**) "Морскія Записки". Томъ XVIII номеръ 1-49. Ст. лейт. К. фонъ Нотбекъ — "Совѣтско-Германская война на Балтійскомъ морѣ", стр. 8.

вѣрилъ въ войну, и совѣтскія военно-морскія силы были на мирномъ положеніи. Очередные корабли находились въ ремонтѣ, какъ, напримѣръ «Красный Кавказъ»; мобилизація вспомогательныхъ судовъ не была проведена. Днемъ 21 іюня 1941 года главныя силы Черноморскаго флота вернулись въ Севастополь послѣ учебнаго похода, и команды были отпущены на берегъ съ «ночевкой», кому это разрѣшалось. Лишь въ полночь въ Штабѣ Флота было получено распоряженіе Наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова о введеніи повышенной готовности, по которой личный составъ долженъ былъ немедленно вернуться на корабли, а форты и зенитныя батареи приведены въ состояніе немедленной готовности. На разсвѣтѣ 22 іюня нѣмецкіе самолеты атаковали Севастополь, но были встрѣчены огнемъ зенитныхъ батарей. Результатъ бомбардировки былъ незначительный, и боевые корабли не пострадали. У входа въ бухту самолеты сбросили магнитныя мины, нѣкоторыя изъ которыхъ стали у берега и двѣ даже упали въ городъ. На одной изъ нихъ взорвалось портовое судно «СП - 12». Магнитныя мины задержали выходъ флота въ море и, не имѣя спеціальныхъ траловъ, нѣкоторыя изъ нихъ были обнаружены и обезврежены совѣтскими водолазами. Въ этотъ же день совѣтскіе минные заградители начали постановку оборонительныхъ загражденій въ районахъ Севастополя, Одессы, Керченскаго пролива и у береговъ Кавказа. Изъ этого можно заключить, что до начала агрессіи минныхъ загражденій въ открытомъ морѣ поставлено не было.

23 іюня въ отвѣтъ на бомбардировку Севастополя 76 бомбардировщиковъ 63-й бригады морской авіаціи тремя волнами совершили налетъ на Констанцу, но, дѣйствуя безъ прикрытія истребителей, понесли большія потери.

На разсвѣтѣ 26 іюня, предшествуемые за часъ демонстративными полетами нѣсколькихъ самолетовъ, вызвавшихъ лишь тревогу на батареяхъ, лидеры «Харьковъ» и «Москва» (по 5 - 130 мм. орудій на каждомъ), въ сопровожденіи эск. мин. «Сообразительный», подойдя незамѣченными къ Констанцѣ, съ большой дистанціи открыли огонь по нефтянымъ бакамъ, станціи и порту. Находившіеся въ порту три румынскихъ миноносца открыли слабый огонь; черезъ четыре ми-

нуты открыла огонь 28-сантиметровая батарея, которую еще въ мартѣ нѣмцы перевезли изъ Голландіи. Третьимъ залпомъ на дистанціи 30 клм. батарея дала накрытіе. Лидеры попали въ тяжелое положеніе и черезъ 10 минутъ стрѣльбы легли на обратный курсъ, причемъ они пересѣкли поставленное 19 и 20 іюня румынское минное заграждение. Фортралъ «Москвы» зацѣпилъ мину, но по какой-то причинѣ не перебилъ ея минрепа. Буксируемая на большомъ ходу траломъ мина тотчасъ же была прижата къ корпусу и взорвалась у средней части лидера, разломавъ его пополамъ. Изъ 255 человѣкъ команды румыны спасли 66. « Харькову » зигзагообразными курсами удалось выйти изъ-подъ огня батареи и, отбивъ на обратномъ пути атаки самолетовъ, онъ вернулся въ Севастополь. По свѣдѣніямъ J. Meister на станціи отъ попаданія снарядовъ взорвался поѣздъ съ боеприпасами и были повреждены желѣзнодорожные пути. Нефтяные баки и портъ почти-что не пострадали.

Разбирая эту операцію, можно предположить, что совѣтское командованіе не было освѣдомлено о существованіи тяжелой батареи, но оно должно было считаться съ вѣроятностью постановки миннаго загражденія. Спрашивается, по какой причинѣ были посланы лишь лидеры, къ тому же безъ воздушнаго прикрытія, а не крупные корабли съ быстроходными тральщиками? По какой причинѣ совѣтское командованіе не учло опыта бомбардировки Констанцы въ 1916 году, показавшаго, что лишь крейсеръ въ сопровожденіи тральщиковъ могъ успѣшно провести эту операцію?

III. ДѢЙСТВІЯ ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛІИ.

Первыми совѣтскими кораблями, вступившими въ бой, была Дунайская рѣчная флотилія подъ командой кап. 1 р. Абрамова. Она состояла изъ пяти новыхъ, переведенныхъ въ 1940 году съ Днѣпра, мониторовъ, дивизіона бронекатеровъ-тральщиковъ и т. д. Въ составѣ флотиліи находились: батальонъ морской пѣхоты, пять артиллерійскихъ батарей, зенитный дивизіонъ и эскадрилья истребителей. Словомъ, она являлась полноцѣнной боевой единицей для дѣйствія на рѣкѣ. Кромѣ того флотилія пользовалась поддержкой авіаціи фло-

та, которой удалось получить преимущество въ воздухѣ надъ румынами въ этомъ районѣ.

Съ другой стороны на Дунаѣ находилась сильная румынская флотилія изъ 7 болѣе старыхъ мониторовъ, плавучихъ батарей и прочихъ судовъ, поддержанныхъ береговыми батареями. Румынская флотилія была раздѣлена на два отряда, изъ которыхъ одинъ находился въ Тульчѣ, другой въ Браиловѣ.

На разсвѣтѣ 22 іюня, совершенно неожиданно для совѣтской флотиліи, тульчинская группа румынскихъ береговыхъ батарей открыла сильный огонь по базѣ флотиліи въ Измаилѣ. Одновременно были обстрѣляны стоявшіе въ Рени три монитора. Отвѣтнымъ огнемъ мониторовъ и батарей румынская артиллерія вскорѣ была приведена въ молчаніе. Въ слѣдующіе дни совѣтская флотилія выставила минное загражденіе выше Рени и у Тульчинскаго рукава, раздѣливъ, такимъ образомъ, румынскую флотилію на двѣ части. Для обезпеченія свободнаго сообщенія съ Чернымъ моремъ флотилія приступила къ занятію опорныхъ пунктовъ на румынскомъ берегу Килійскаго рукава. 25 іюня десантъ флотиліи захватилъ батарею на полуостровѣ Сату Нау, обстрѣливавшую Измаилъ. На слѣдующій день батальонъ морской пѣхоты былъ высаженъ въ Старой Киліи и нѣсколько мелкихъ десантовъ очистили весь правый берегъ Килійскаго рукава ниже Измаила. Но въ рукахъ румынъ остался опорный пунктъ съ батареей у Переправы, лежащей въ 20 километрахъ отъ моря; кромѣ того, батареи у Тульчи могли обстрѣливать Измаилъ черезъ островъ и держали подъ своимъ огнемъ близлежащую часть Килійскаго рукава. Противъ нихъ дѣйствовали береговые батареи и мониторы, нанесшіе румынамъ большія потери. Словомъ, положеніе Дунайской флотиліи казалось было благопріятнымъ.

29 іюня войска Оси, бывшія до того пассивными на южномъ фронтѣ, перешли въ наступленіе отъ Перемышля до Дуная. Черезъ два дня основныя силы XIV стрѣлковаго корпуса, дѣйствовавшаго совмѣстно съ флотиліей, были переброшены на Прутъ, и оборона Дуная почти полностью легла на флотилію. Вслѣдствіе отступленія войскъ, Верхнедунайскій

отрядъ флотиліи (кап. лейт. Криновъ), выдвинутый на озеро Кагулъ, къ 8-му іюля оказался отрѣзаннымъ. Отрядъ, состоявшій изъ мониторовъ «Желѣзняковъ», «Жемчужный», «Ростовцевъ» и двухъ бронекатеровъ, получилъ приказаніе прорваться въ Килійское гирло. Съ наступленіемъ темноты отрядъ снялся съ якоря и, несмотря на сильный огонь румынскихъ батарей, проходя гдѣ можно вплотную къ берегу въ мертвомъ пространствѣ, благополучно прибылъ въ Кислицкій протокъ на полпути отъ Измаила до моря. Въ слѣдующіе дни эта группа мониторовъ, выходя изъ протока, обстрѣляла румынскія позиціи. Нижнедунайскій отрядъ, базировавшійся на Вилково у моря, въ составъ котораго входили мониторы «Ударникъ» и «Левачевъ», обстрѣливалъ румынскія батареи у Переправы и участвовалъ въ отраженіи пяти попытокъ румынъ переправиться на сѣверный берегъ Килійскаго рукава въ его нижней части. Попытка десанта румынъ противъ Исакчи была отражена береговой артиллеріей. 13 и 14 іюля два румынскихъ монитора, выйдя изъ Тульчи, пытались подойти къ Измаилу, но получивъ оба раза попаданія съ береговыхъ батарей вернулись обратно и больше уже не появлялись.

Въ связи съ прорывомъ фронта на сѣверѣ и отходомъ арміи за Днѣпръ, Дунайская флотилія получила приказъ эвакуироваться въ Одессу. Для прикрытія морского перехода и конвоированія большого числа малыхъ рѣчныхъ судовъ изъ Севастополя вышелъ отрядъ кораблей въ составѣ крейсера, трехъ эскад. миноносцевъ, двухъ канонерскихъ лодокъ и 17 малыхъ судовъ. 17 іюля въ Одессу были отправлены транспорты и вспомогательныя суда флотиліи, бывшіе въ Вилково. Мониторы, выйдя изъ Килійскаго рукава, сосредоточились у Жербіякъ, откуда черезъ полуостровъ держали подъ огнемъ румынскія батареи у Переправы и отсѣкали полуостровъ, въ концѣ котораго находился главный пунктъ эвакуаціи Вилково. Измаильская группа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ вспомогательныхъ и большого количества коммерческихъ судовъ и баржъ, оказалась въ тяжеломъ положеніи. Все же, подъ прикрытіемъ бронекатеровъ ночью большинству судовъ удалось прорваться мимо Переправы къ морю.

19 іюля въ свѣжую погоду флотилія вышла въ море и на слѣдующій день прибыла въ Одессу. Съ воздуха ее при-

крывала морская авіація, поднявшаяся съ крымскихъ аэродромовъ. При отходѣ, на рѣкѣ и въ морѣ противъ гирлъ, корабли флотиліи выставили добавочныя минныя загражденія, оказавшіяся настолько серьезными, что лишь 1 сентября нѣмецкая флотилія смогла дойти до моря и начать траленіе передъ Килійскимъ гирломъ, гдѣ два тральщика сразу взорвались на минахъ. Постоянные налеты совѣтской авіаціи на Килію, гдѣ базировались тральщики, и другіе пункты, причинившіе тральщикамъ поврежденія и потери въ личномъ составѣ, принудили нѣмецкую флотилію на время отойти въ Галацъ.

Мѣсячная активная оборона Дуная флотиліей обезпечила флангъ арміи и долго не позволила нѣмцамъ воспользоваться этой важной артеріей для перевозокъ снабженія. Насколько можно судить, потери въ судовомъ составѣ были незначительны. Нѣкоторое количество буксировъ, баржъ и катеровъ было оставлено на рѣкѣ или потоплено во время эвакуаціи.

Послѣ прихода флотиліи въ Одессу, ввиду продвиженія арміи къ среднему теченію Днѣпра, мониторы «Жемчужинъ», «Ростовцевъ», «Левашевъ» и часть катеровъ были посланы въ районъ Черкассы-Кіевъ, гдѣ составили Днѣпровскій отрядъ Пинской флотиліи. «Жемчужинъ» погибъ въ бою 12 августа ниже Кременчуга, два другихъ были взорваны при оставленіи Кіева. Прочимъ кораблямъ Дунайской флотиліи и приданнымъ ей частямъ было предписано поддерживать войска на Южномъ Бугѣ. Въ ночь на 9 августа мониторъ «Ударникъ» мѣткимъ огнемъ задержалъ продвиженіе нѣмецкихъ танковъ у Вознесенска на Бугѣ. На слѣдующій день два монитора и бронекатера содѣйствовали переправѣ отходившихъ на лѣвый берегъ Буга войскъ. Одновременно шла срочная эвакуація строительной базы флота Николаева, которую, ввиду продвиженія нѣмцевъ по правому берегу рѣки на юго-востокъ, закончить не удалось. Изъ Николаева собственными силами или на буксирѣ были выведены всѣ достраивавшіеся на водѣ корабли, среди нихъ одинъ крейсеръ въ 13.000 тоннъ, нѣсколько эскад. миноносцевъ и подводныхъ лодокъ. Но единственный въ Черномъ морѣ большой плавучій докъ, который могъ поднять крейсера и линейные кораб-

ли, груженый десятками паровозовъ, увести не успѣли. Пароходъ «Волочаевка» тоже не смогъ уйти. Бывшие на стапеляхъ линейный корабль, крейсеръ, 4 эскад. миноносца и двѣ подводныя лодки также какъ всѣ склады и заводы были взорваны или сожжены. Разрушенія были произведены настолько основательно, что нѣмцамъ почти не удалось использовать заводы на свои нужды.

12 августа послѣдними изъ Николаева ушли корабли Дунайской флотиліи и, перейдя въ Херсонъ, стали содѣйствовать эвакуаціи войскъ на лѣвый берегъ Днѣпра.

IV. ОБОРОНА ОДЕССЫ.

Продолжая движеніе на юго-востокъ, 13 августа части 72-ой нѣмецкой дивизіи достигли моря западнѣе Очакова у Аджіаска и этимъ завершили окруженіе Одессы. Учитывая значеніе этого порта, съ одной стороны, и желая сковать непріятельскія силы, совѣтское Верховное Главное Командованіе приказало защищать городъ до послѣдней возможности. Къ Одессѣ отошла лишь отрѣзанная отъ главныхъ силъ Приморская армія въ составѣ 25-й Чапаевской и 95-й стрѣлковыхъ дивизій, 1-й (Кубанской) кавалерійской дивизіи, двухъ отдѣльныхъ пѣхотныхъ полковъ и четырехъ артиллерійскихъ дивизіоновъ. Въ предыдущихъ бояхъ эти части понесли большія потери и не имѣли въ своемъ составѣ танковъ. Учитывая, что удержаніе столь слабыми силами Одесскаго района невозможно, командованіе на мѣстѣ приняло мѣры для усиленія войскъ. Изъ состава Одесской морской базы были сформированы 1-й и 2-й полки морской пѣхоты и на сухопутный фронтъ передана подвижная артиллерія базы въ составѣ одного дивизіона и отдѣльной батареи. Одновременно началось формированіе частей народнаго ополченія, имѣвшихъ лишь относительную боевую цѣнность. Въ теченіе осады до ста тысячъ одесскихъ жителей влилось въ фронтовыя части. Авіація состояла изъ одного полка истребителей и двухъ эскадрилій Черноморскаго флота. Эти слабыя силы приняли первые удары IV румынской арміи, составъ которой постепенно былъ доведенъ до 11 румынскихъ дивизій и одной нѣмецкой съ сильной артиллеріей и танко-

выми частями. Хотя втеченіе осады моремъ въ помощь гарнизону были подвезены танковыя части и 172-я и 321-я стрѣлковыя дивизіи — все же осаждавшіе имѣли не менѣе какъ двойной перевѣсъ въ силѣ, не считая могущественной авіаціи.

Для поддержки Одессы съ моря въ началѣ августа былъ созданъ «Отрядъ кораблей Сѣверо-Западнаго района» подъ командой контръ-адмирала Вдовиченко въ составѣ крейсера «Коминтернъ», эск. миноносцевъ «Шаумянъ» и «Незаложникъ», кан. лодокъ «Красная Грузія» и «Красная Арменія», 5-го дивизіона тральщиковъ и 2-й бригады торпедныхъ катеровъ. Этотъ отрядъ базировался на Одессу, и можно сказать почти ежедневно его суда принимали участіе въ бояхъ. Кромѣ того въ бомбардировкахъ позицій приняли участіе крейсеръ «Червонная Украйна», лидеръ «Харьковъ» и другіе, приходившіе изъ Севастополя съ конвоями или спеціально для этого высылавшіеся.

Для обезпеченія порта со стороны Румыніи, перпендикулярно къ берегу противъ Ильячевки было выставлено многорядное минное загражденіе. Но нѣмецко-румынскія силы не отважились появиться въ этомъ районѣ, и ихъ дѣйствіе на морѣ ограничилось тремя безрезультатными походами подводной лодки «Дельфинулъ» къ Крымскимъ берегамъ *) и постановкой самолетами нѣкотораго количества магнитныхъ минъ, главнымъ образомъ передъ Очаковымъ. Тральщики производили систематическое контрольное траленіе фарватеровъ, и за все время осады въ районѣ Одессы ни одно судно не было потеряно отъ минъ, но пароходъ «Ленинъ» съ бѣженцами изъ Одессы взорвался у Севастополя.

Для централизаціи управленія силами обороны 20 августа былъ созданъ «Одесскій Оборонительный Районъ», командующимъ котораго былъ назначенъ контръ-адмиралъ Жуковъ съ непосредственнымъ подчиненіемъ Комфлоту. Такимъ образомъ главное руководство обороны находилось въ рукахъ флота. Замѣстителемъ Жукова по сухопутнымъ войскамъ, несмотря на старшинство въ чинѣ, былъ назначенъ ко-

*) Въ началѣ ноября "Дельфинулъ" сдѣлалъ еще четвертый походъ на линію Севастополь-Новороссійскъ, послѣ чего плохое состояніе механизмовъ принудило лодку встать въ долговременный ремонтъ.

мандующій Приморской арміей генералъ-лейтенантъ Сафоновъ; обороной съ моря завѣдывалъ командиръ военно-морской базы контръ-адмиралъ Кулишевъ. Однимъ изъ членовъ Военнаго Совѣта явился секретарь Одесскаго областного комитета партіи Колыбановъ, завѣдывавшій главнымъ образомъ организаціей тыла, всѣми вопросами, касающимися населенія, пропагандой и т. п.; во всѣхъ этихъ отрасляхъ партійныя организации оказали большую помощь гарнизону.

Одновременно съ выходомъ нѣмецкой дивизіи къ морю, 13 августа румынскія части начали наступленіе съ сѣвера на восточный секторъ обороны. Противъ повернувшей на западъ нѣмецкой дивизіи и подходившихъ румынъ на морскомъ флангѣ обороны находились оба полка морской пѣхоты, поддержанные частями народнаго ополченія. Несмотря на атаки нѣмецкой авіаціи, корабли оказали сильную поддержку войскамъ и кан. лодка «Красная Арменія» уничтожила въ районѣ Григорьевки двѣ румынскихъ батареи. 16 августа «Красная Грузія» въ районѣ Спиридоновки оказала большую помощь 1-му морскому полку. Во время этихъ дѣйствій она подверглась шестикратной атакѣ самолетовъ и получила поврежденія. 21 августа, послѣ небольшой передышки, румыны возобновили атаки на восточный секторъ. Эскадр. миноносцы «Фрунзе» (бывш. «Быстрый»), «Дзержинскій» (бывш. «Каліакрія») и кан. лодка «Красная Арменія» сильнымъ огнемъ своихъ орудій оказали существенную поддержку войскамъ приморской части фронта. Несмотря на сильное сопротивленіе совѣтскихъ войскъ, румынамъ постепенно удалось сжать кольцо вокругъ Одессы, и въ восточномъ секторѣ они заняли Гильдендорфъ и Александровку. Съ южной стороны широкій Днѣпровскій лиманъ прикрывалъ укрѣпленный районъ, и фронтъ оставался безъ измѣненій. Съ 25 августа портъ и прибрежный фарватеръ оказались подъ обстрѣломъ тяжелыхъ орудій, установленныхъ румынами въ районѣ Александровки. До 250-ти крупныхъ снарядовъ въ сутки падало въ районъ порта. Работы въ порту и выходъ въ море транспортовъ сталъ возможнымъ исключительно во время темноты, лишь дымовыя завѣсы нѣсколько помогали въ свѣтлое время дня. Постоянные налеты авіаціи и артиллерійскій огонь причиняли поврежденія на корабляхъ и наносили потери. Въ порту бомбами былъ потопленъ п/х. «Псковъ» и еще одинъ тран-

спортъ. Стоявшій въ порту крейсеръ «Коминтернъ» и другіе корабли обстрѣливали расположеніе румынской батареи и заставляли ее на время умолкать. Съ 25 августа по 1 сентября корабли провели 66 артиллерійскихъ стрѣльбъ по береговымъ цѣлямъ. Тяжелыя батареи румынъ открывали огонь по кораблямъ, выходившимъ на поддержку фронта, и заставили ихъ быть болѣе осторожными и увеличить дистанціи стрѣльбы. Все же 1 сентября эск. миноносецъ «Безпощадный», несмотря на огонь батареи и атаки съ воздуха, оказалъ существенную поддержку морскому полку, бывшему въ тяжеломъ положеніи, и позволилъ ему удержать свои позиціи.

Подтянувъ свѣжія силы, 15 сентября румынская армія возобновила атаки по всему фронту и еще больше сжала кольцо. Силы защитниковъ изсякли, и стало ясно, что безъ удара извнѣ дни города сочтены. Учитывая это обстоятельство, командованіе рѣшило произвести высадку десанта въ тылу восточнаго сектора румынъ у селенія Григорьевки въ 15 километрахъ отъ линіи фронта. Въ десантъ былъ назначенъ только-что сформированный 3 - й полкъ морской пѣхоты, частично укомплектованный матросами съ большихъ кораблей. Составъ полка насчитывалъ 1700 бойцовъ. Послѣ небольшой тренировки и примѣрной высадки въ Стрѣлецкой бухтѣ, 21 сентября полкъ былъ погруженъ на корабли, которые во второй половинѣ дня подъ прикрытіемъ истребителей авіаціи вышли въ море. Отрядъ состоялъ изъ крейсеровъ «Красный Крымъ» и «Красный Кавказъ», эскад. миноносцевъ «Безпощадный», «Безупречный» и «Бойкій». Контръ-адмиралъ Владиміровскій, руководившій операціей, поднялъ свой флагъ на эск. миноносцѣ «Фрунзе», вышедшемъ изъ Севастополя на нѣсколько часовъ раньше отряда. Въ пути «Фрунзе» подвергся сильнымъ атакамъ авіаціи и, имѣя тяжелыя поврежденія, выбросился на мель у Тендровской косы. Адміралъ былъ раненъ, и въ командованіе вступилъ начальникъ высадки, молодой контръ-адмиралъ Горшковъ, находившійся на одномъ изъ крейсеровъ. Это обстоятельство помѣшало точному согласованію дѣйствій, и отрядъ высадочныхъ средствъ, подготовленный въ Одессѣ въ составѣ канонерской лодки, буксира и 12 катеровъ, опоздалъ.

Въ 1 ч. 20 м. 22 сентября крейсера и миноносцы, не будучи обнаруженными, подошли къ Григорьевкѣ и приблизившись

до 15 кабельтовыхъ къ берегу открыли бѣглый огонь по прибрежной полосѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ тылу румынъ были сброшены малыя группы матросовъ-парашютистовъ, имѣвшихъ задачей дезорганизацію связи и созданіе помѣхъ на дорогахъ. Въ 1 ч. 31 м. къ берегу на корабельныхъ шлюпкахъ и барказахъ направилась головная рота десанта, и корабли перенесли огонь по предполагаемымъ мѣстамъ скопленія румынскихъ войскъ и артиллерійскимъ позиціямъ. Тихая погода благопріятствовала высадкѣ, но она шла медленно и лишь послѣ прихода канонерской лодки и катеровъ ускорилась, но была закончена только къ 5 часамъ утра. Съ моря корабли прикрывались линіей дозора сторожевыхъ катеровъ, высланныхъ изъ Одессы. Высадивъ десантъ, крейсера ушли въ Севастополь, и дальнѣйшую артиллерійскую поддержку осуществляли эскад. миноносцы. Съ 4 час. утра бомбардировочная авіація флота начала бомбить румынскіе резервы, а истребительный полкъ изъ Одессы атаковалъ аэродромы.

Захвативъ безъ труда прибрежную полосу и имѣя свой тылъ прикрытымъ лиманами съ востока, на разсвѣтѣ батальоны полка повели наступленіе вдоль берега къ Одессѣ и также въ сѣверо-восточномъ направленіи, гдѣ скоро вышли въ расположеніе артиллерійскихъ позицій. Нѣсколько батарей было здѣсь захвачено цѣликомъ, и часть ихъ орудій повернута противъ ихъ бывшихъ хозяевъ. Въ 8 часовъ утра, послѣ артиллерійской подготовки, перешли въ наступленіе части восточнаго сектора одесскаго гарнизона. Атакованные съ двухъ сторонъ, румыны вскорѣ пришли въ разстройство и, бросая всю матерьяльную часть, начали въ безпордкѣ отступать на сѣверъ и сѣверо-востокъ, оказывая все же мѣстами сильное сопротивленіе. Къ 18 часамъ, послѣ упорнаго боя на побережьѣ у Новой Дофиновки, части десанта соединились съ 1-мъ полкомъ морской пѣхоты; сѣверная колонна соединилась съ частями гарнизона у Старой Дофиновки. Весь день эскадр. миноносцы, имѣя корректировочные посты въ боевыхъ частяхъ пѣхоты, вели огонь по позиціямъ впереди десанта. До полудня противникъ не оказывалъ имъ серьезнаго противодѣйствія, но потомъ надъ моремъ появились сильныя эскадрильи пикирующихъ и бомбардировочныхъ самолетовъ, атаковавшихъ корабли и портъ. Не имѣя воз-

душнаго прикрытія, отбить всѣ эти атаки не было возможно. Въ 12 часовъ «Безупречный» былъ атакованъ девятью пикировщиками, сбросившими 36 бомбъ. Отъ близкихъ разрывовъ у борта миноносецъ получилъ много пробоинъ въ корпусѣ и, лишившись хода, былъ отбуксированъ въ Одессу. Въ 17 час. 30 мин. 19 пикировщиковъ сбросили 84 бомбы по «Безпощадному». Бомба, попавшая въ полубакъ миноносца, совершенно разрушила его носовую часть и принудила «Безпощадный» заднимъ ходомъ уйти въ Одессу.

Нѣмецкая авіація мѣшала огневой поддержкѣ во второй половинѣ дня, но она опоздала. Въ результатѣ десантной операціи новый фронтъ стабилизировался на 5-8 километровъ восточнѣе и сѣверо-восточнѣе прежней линіи. Румыны потеряли возможность обстрѣливать портъ прямой наводкой, что въ дальнѣйшемъ позволило произвести планомѣрную эвакуацію. Двѣ румынскихъ дивизіи были разгромлены и потеряли всю матерьяльную часть. Десантъ захватилъ 33 орудія, включая дальнобойную батарею, стрѣлявшую по порту. Послѣ этой неудачи и безъ того невысокій боевой духъ румынъ совершенно упалъ. Для возстановленія силъ восточнаго сектора румыны перебросили части изъ другихъ секторовъ, что принудило ихъ прекратить наступленіе на всѣхъ участкахъ фронта. На помощь своимъ союзникамъ, нѣмцы, для ликвидаціи этой занозы, торчавшей далеко позади главнаго фронта, направили къ Одессѣ пѣхотную дивизію и техническія войска.

Главнымъ виновникомъ этого успѣха была морская пѣхота. Несмотря на то, что наскоро сформированные морскіе полки въ первый годъ войны не имѣли никакого опыта дѣйствій на сушѣ, ихъ боевыя достиженія постоянно превышали стрѣлковыя части. Матросы не умѣли окапываться, маскироваться и многіе даже хорошо стрѣлять. Защитной формы они не имѣли и щеголяли въ своихъ безкозыркахъ. Но боевой духъ, безстрашіе, спайка, физическое развитіе и находчивость моряковъ сглаживали эти недостатки. Въ первыхъ бояхъ моряки несли напрасныя потери, но, быстро пріобрѣтая боевой опытъ, морская пѣхота становилась самой стойкой частью совѣтской арміи, и «черные черти», какъ моряковъ прозвали румыны, использовались въ видѣ ударныхъ частей.

Десантъ у Григорьевки является примѣромъ хорошо продуманной смѣшанной операціи. Для соблюденія секрета операціи мѣсто высадки стало извѣстно только, когда корабли съ десантомъ были уже въ морѣ. Скрытность ночного похода, удобства мѣста высадки и погода были приняты во вниманіе, чего нельзя сказать про многіе послѣдующіе совѣтскіе десанты. Можно думать, что точная координація дѣйствій флота, десанта, Одесскаго гарнизона и авіаціи оказались возможной лишь ввиду того, что всѣ эти части подчинялись единому начальнику въ лицѣ Комфлота, спеціалисту по морскимъ вопросамъ, являющимся главными при высадкѣ на берегъ. Ввиду своей слабости совѣтская авіація не была способна противостоять Luftwaffe, за что нѣсколько поплатился флотъ. Въ результатѣ десанта у Григорьевки Одесса получила передышку, но ея судьба рѣшалась въ иныхъ мѣстахъ.

V. СОБЫТІЯ ВЪ ДНѢПРО-БУГСКОМЪ ЛИМАНѢ.

19 августа нѣмецкія войска заняли городъ Херсонъ, а 21 — морскіе артиллеристы эвакуировали Очаковъ. Всѣ западные берега Днѣпро-Бугскаго лимана оказались въ рукахъ нѣмцевъ, получившихъ возможность обстрѣливать морской каналъ съ близкой дистанціи. Но корабли Дунайской флотиліи продолжали дѣйствовать въ лиманѣ, приняли участіе въ бояхъ за переправу у Каховки и нѣкоторые изъ нихъ поднялись до Никополя. Бои происходили при сильной поддержкѣ нѣмецкой авіаціи, причинившей флотиліи большія потери. Мониторъ «Ударникъ» былъ потопленъ между Каховкой и Херсономъ. По нѣмецкимъ свѣдѣніямъ эскад. миноносецъ «Безшумный» погибъ въ августѣ въ районѣ Тендры. *)

Въ ночь на 30 августа нѣмецкимъ частямъ удалось переправиться черезъ Днѣпръ у Каховки, и они повели наступленіе въ направленіи на Скадовскъ, отрѣзая весь районъ, прилегающій къ Днѣпро-Бугскому лиману. Создавалась угроза Тендровской косѣ, которая какъ бы нависла надъ комму-

*) По тѣмъ же источникамъ эск. мин. "Быстрый" погибъ въ этомъ же районѣ въ іюлѣ, видимо взорвавшись на минѣ.

никаціонной линіей Севастополь-Одесса. 12 сентября въ районѣ Алешекъ нѣмцамъ удалось разбить поддержанныя флотиліей совѣтскія части и начать наступленіе въ направленіи Тендровскаго залива. Для усиленія разрозненныхъ частей, отходившихъ въ этотъ районъ, былъ высаженъ батальонъ Дунайской флотиліи, но несмотря на артиллерійскую поддержку флотиліи, къ 25 сентября уцѣлевшія войска были прижаты къ Тендровскому заливу. Пришедшими въ заливъ остатками Дунайской флотиліи они были переправлены на косу. Здѣсь войска смогли укрѣпиться и при содѣйствіи монитора «Желѣзняковъ» держали косу до конца октября. 31 октября, ввиду прорыва нѣмцевъ въ Крымъ, батальонъ морской пѣхоты, составлявшій главныя силы гарнизона, былъ переброшенъ въ Севастополь, а мониторъ «Желѣзняковъ» переведенъ въ Азовскую флотилію. Но видимо предоставленные своей участи посты наблюденія и связи на косахъ и островахъ Каркиницкаго залива оставались на своихъ мѣстахъ до первыхъ мѣсяцевъ 1942 года, пока они не были заняты нѣмцами. Еще въ апрѣлѣ Скадовскъ подвергся двоекратному нападенію совѣтскихъ отрядовъ.

Другія нѣмецкія колонны, продвигаясь на юго-востокъ, 15 сентября вышли къ Арабатской стрѣлкѣ и отрѣзали Крымъ. Продвигаясь далѣе вдоль Азовскаго моря 8 октября они заняли Бердянскъ и Маріуполь. Ввиду незначительнаго количества войскъ, отошедшихъ на крымскіе перешейки, возможность удержанія Крыма стояла подъ вопросомъ. Для его защиты было необходимо сосредоточить всѣ силы, находившіяся на югѣ, и пожертвовать Одессой, державшейся лишь крымскими рессурсами.

VI. ЭВАКУАЦІЯ ОДЕССЫ.

Учитывая создавшееся въ Крыму положеніе, Главное Командованіе приняло рѣшеніе о скрытной эвакуаціи Одессы, начиная съ наиболѣе боеспособной дивизіи Приморской арміи, которая направлялась для усиленія обороны Перекопа.

Съ 1 по 6 октября изъ Одессы была эвакуирована одна стрѣлковая дивизія со всей ея матерьяльной частью. Послѣ

этого перевозились тылы и спеціальные части, затѣмъ артиллерія и боевая техника. Для скрытія эвакуаціи въ порту одновременно находилось не болѣе 5-8 транспортовъ. Погрузка артиллеріи и грузовъ производилась круглыя сутки, но посадка войскъ лишь въ темнотѣ передъ самымъ выходомъ въ море. Транспорты приходили въ Одессу и покидали ее въ ночное время; днемъ портъ прикрывался истребителями и зенитной артиллеріей. Несмотря на частые налеты, за 15 дней эвакуаціи лишь одинъ теплоходъ «Грузія» получилъ серьезное поврежденіе, но, все же взяв 4.000 пассажировъ, онъ смогъ уйти въ Севастополь. Конвои и отдѣльные, обыкновенно быстроходные транспорты, проходили самую опасную часть пути, гдѣ не было авіаціоннаго прикрытія, въ темнотѣ. Въ районѣ Акъ-Мечети ихъ встрѣчали сторожевые катера и истребители, базировавшіеся на крымскіе аэродромы.

На 15 октября была назначена эвакуація послѣднихъ войскъ въ составѣ 35.000 человѣкъ съ небольшими обозами. Для этой цѣли въ порту было сосредоточено 21 большихъ транспортовъ и большое количество мелкихъ судовъ. Для прикрытія эвакуаціи и конвоированія транспортовъ были предназначены пришедшіе изъ Севастополя крейсера «Красный Кавказъ», «Красный Крымъ», эскад. миноносцы «Бодрый», «Смышленый», «Незаложникъ», «Шаумянъ», тральщики и сторожевые катера. Съ началомъ темноты въ 19 часовъ части оставили свои позиціи и направились въ портъ. Одновременно, симулируя подготовку къ атакѣ, крейсера и миноносцы открыли сильный огонь по выдѣленнымъ каждому кораблю участкамъ позицій румынъ. Оставленное въ окопахъ небольшое прикрытіе ушло два часа спустя. Маневръ вполнѣ удался, и румыны до второй половины слѣдующаго дня не двигались впередъ и вели огонь по покинутымъ позиціямъ.

По мѣрѣ погрузки, транспорты, подъ охраной катеровъ, выходили въ море. Къ тремъ часамъ ночи транспорты съ главной массой войскъ покинули портъ, и послѣдній изъ нихъ ушелъ въ 5 час. 30 мин. утра. Вслѣдъ за ними ушли крейсера и миноносцы, и въ 9 часовъ Одессу покинулъ послѣдній сторожевой катеръ.

Передъ уходомъ эскад. миноносцы «Бодрый» и «Смышленый» поставили 117 минъ. Вся территорія порта была густо заминирована и портъ засоренъ затопленными баржами и прочими судами. Все это было очень умѣло выполнено, и лишь въ февралѣ 1942 года послѣ разчистки, нѣмцы начали пользоваться этимъ важнымъ для нихъ портомъ.

На переходѣ, проходившемъ въ большей части уже въ свѣтлое время, крейсера конвоировали быстроходные транспорты изъ числа пассажирскихъ судовъ, эскад. миноносцы — наиболѣе крупные, вышедшіе послѣдними и сторожевые катера и тральщики охраняли остальныя. Съ разсвѣтомъ истребительная авіація вступала въ прикрытіе кораблей, приближавшихся къ крымскимъ берегамъ; въ то же время бомбардировщики нанесли нѣсколько ударовъ по нѣмецкимъ аэродромамъ. Нѣмецкіе самолеты обнаружили часть транспортовъ, проходившихъ районъ Тендры въ 9 час. утра, и совершили нѣсколько атакъ небольшими группами, отбитыми воздушнымъ прикрытіемъ. Во второй половинѣ дня 50 самолетовъ совершили массовую атаку на конвой, во время которой крейсеръ «Коминтернъ» получилъ поврежденія и одинъ транспортъ, не имѣвшій на борту войскъ, былъ потопленъ.

Оставленіе Одессы является рѣдкимъ примѣромъ эвакуаціи гарнизона осажденной морской крѣпости безъ потерь и дѣлаетъ честь командованію Черноморскаго флота. Съ 1 до 16 октября изъ Одессы было вывезено 80.000 бойцовъ, 15.000 гражданскаго населенія, 3.000 лошадей, болѣе 1.000 автомобилей, 500 орудій и большое количество боевой техники. За весь періодъ боевъ подъ Одессой, начиная съ 1 іюля, транспортный флотъ сдѣлалъ 911 рейсовъ, не считая мелкихъ судовъ. Въ осажденный городъ было доставлено 58.000 бойцовъ, снабженіе, техника и боеприпасы. Въ обратную сторону было вывезено до 350.000 человѣкъ, оборудованіе заводовъ и много разнаго имущества. Изъ Одессы въ Маріуполь, гдѣ они скоро попали въ руки нѣмцевъ, были вывезены загруженные металломъ и оборудованіемъ десититысячные недостроенные пароходы «Трудъ», «Пролетарій» и «Феодосія». Выведенные два плавучихъ дока, одинъ изъ нихъ бетонный въ 6.000 тоннъ, прибуксированный ледо-

коломъ «Торосъ» въ Поти, дали возможность ремонтировать въ этой базѣ корабли до лидеровъ включительно.

За время обороны Одессы, считая съ 20 августа, въ артиллерійской поддержкѣ войскъ приняло участіе 17 большихъ кораблей, которые 165 разъ выходили въ заливъ для стрѣльбы. Въ то же время одна лишь морская авіація произвела 5328 вылетовъ для поддержки войскъ.

Оборона Одессы, продолжавшаяся 69 дней, оттянула отъ главнаго фронта, не считая нѣмецкихъ частей, половину румынской арміи, потерявшей во время осады, по заявленію министра Антонеску, болѣе 100.000 человѣкъ. Благодаря этому темпъ наступленія армій Оси на Украину былъ замедленъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

П. А. Варнекъ.

П. Е. Стоговъ.

ПАМЯТИ

КАП. 2 р. КНЯЗЯ В. Н. УРУСОВА

Группа однокашниковъ, соплавателей и друзей покойнаго князя В. Н. Урусова вмѣстѣ съ его сестрой Ксеніей Николаевной рѣшили напечатать краткую біографію князя, чтобы сохранить для грядущихъ поколѣній образъ этого рыцаря-офицера, истиннаго носителя русской чести и славы.

Валерій Николаевичъ происходилъ изъ рода татарскихъ князей Урусовыхъ, перешедшихъ на службу Московскихъ Великихъ Князей. Два брата — одинъ князь Урусъ, а другой — князь Юсупъ положили начало двумъ боярскимъ родамъ въ Россіи. До перехода на Московскую службу, Урусовы были магометанами, ведшіе свой родъ отъ индусскихъ князей, потомковъ Али, сына Магомета. Среди многочисленныхъ предковъ Валерія Николаевича, служившихъ въ арміи и флотѣ Россійской Имперіи, родословная упоминаетъ о командирѣ паруснаго корабля, завѣщавшаго старшему въ родѣ хранить родовую икону, спасшую во время жестокой бури корабль, которымъ этотъ предокъ командовалъ. Эта икона должна была переходить старшему въ родѣ, который долженъ былъ твердо помнить, что въ годовщину спасенія корабля былъ бы отслуженъ благодарственный молебенъ. Вмѣстѣ съ иконой и серебрянымъ крестомъ съ частицей Древа Креста Господня предокъ оставилъ наказъ, въ которомъ было сказано, что съ тѣмъ, кто нарушитъ его волю онъ сосчитается на томъ свѣтѣ. Наказъ этотъ строго соблюдался до наступленія революціи въ Россіи.

Отецъ Валерія Николаевича служилъ въ гвардейской кавалеріи и командовалъ Черниговскимъ гусарскимъ полкомъ. Все свое дѣтство Валерій Николаевичъ провелъ въ казармахъ, или лѣтомъ въ лагеряхъ, окруженный военными. Уже малышомъ онъ привыкъ говорить о себѣ, что онъ — «Лялька-солдатъ».

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ въ гимназіи, Валерій Николаевичъ поступилъ въ Морской Корпусъ въ 1899 году. Въ корпусѣ онъ былъ сначала шалуномъ и принималъ участіе во всѣхъ проказахъ. Товарищи его очень любили за веселый нравъ и безшабашность.

Первыхъ два года Валерій Николаевичъ учился неважно и за поведеніе имѣлъ плохія отмѣтки, даже одно время былъ лишенъ погонъ. Въ третьей ротѣ онъ захворалъ и ему пришлось остаться на второй годъ. Болѣзнь и, вѣроятно, вліяніе корпусного офицера Арнэ Карловича Шульцъ произвели переломъ въ характерѣ князя. Онъ началъ работать надъ своимъ перевоспитаніемъ. О результатѣ его работы надъ собой можно судить по оцѣнкѣ, которую А. К. Шульцъ далъ ему во время одной изъ своихъ рѣчей, обращенныхъ къ ротѣ. Рѣчи эти были однимъ изъ методовъ воздѣйствія на кадетъ для того, что бы готовить ихъ къ будущей службѣ. Его слова, относящіяся къ Урусову, говорятъ сами за себя: «. . . мы всѣ знаемъ и уважаемъ вашего товарища князя Урусова за его ясный умъ и твердый характеръ . . .» Въ результатѣ работы надъ самимъ собой князь сталъ прекрасно учиться и хорошо вести себя. Физически онъ былъ прекрасно развитъ, увлекался спортомъ и былъ настоящій атлетъ. Въ задачу своего перевоспитанія онъ включилъ аскетизмъ, началъ пріучать себя къ холоду и умѣренности въ пищѣ. Русско-японская война, столь неудачная для Россіи, вызвала среди молодого офицерства и воспитанниковъ Морского Корпуса страстное желаніе къ созданію флота, который могъ бы вновь вернуть прежнее могущество и славу Россійскому Андреевскому флагу. Для Урусова идея возсозданія флота и воскрешеніе его славы сдѣлалась главной задачей, которой онъ рѣшилъ посвятить себя. Цусима, съ ея наглядной картиной роли артиллеріи указала Валерію Николаевичу его дорогу во флотѣ. Главной, очередной задачей стало для князя сдѣлаться артиллерійскимъ офицеромъ и въ этой области сдѣ-

лать все отъ него зависящее для улучшенія стрѣльбы и технической части артиллеріи.

Кончивъ Морской Корпусъ въ 1906 году и произведенный изъ корабельныхъ гардемаринъ въ мичманы въ 1907 году, Валерій Николаевичъ поступилъ въ Офицерскіе Артиллерійскіе Классы въ 1908 году. Въ Классахъ онъ всецѣло отдался изученію всего, что должно было быть ему полезнымъ для его «главной цѣли». Не довольствуясь руководствами, которыя были приняты въ Классахъ, Валерій Николаевичъ изучалъ основы электричества по курсу Хвольсена. Этотъ курсъ въ то время былъ принятъ въ университетѣ.

Несмотря на привязанность къ матери, которая жила въ Петербургѣ, онъ первые мѣсяцы даже не ѣздилъ къ ней въ отпускъ. Къ экзаменамъ онъ былъ настолько хорошо подготовленъ, что не занимался по ночамъ; онъ говорилъ, что важно знать предметъ для работы, а не для отмѣтокъ. Въ своемъ стремленіи использовать все свое время для полезной работы, князь отказывался писать письма и всякую переписку называлъ «канцелярщиной», избѣгая ее насколько могъ. Только много лѣтъ спустя жизнь пріучила его оцѣнить значеніе писемъ и всего того, что съ ними связано.

Окончивъ Классы, Валерій Николаевичъ вернулся въ Черное море, гдѣ плавалъ первое время младшимъ артиллерійскимъ офицеромъ на различныхъ линейныхъ корабляхъ. Онъ рѣдко съѣзжалъ на берегъ и отдавался работѣ, которая для него заключалась въ обученіи команды. Команда его любила за его всегдашнее спокойствіе, вѣжливость и желаніе показать или объяснять до тѣхъ поръ, пока всѣ не поняли объясняемаго.

Физически исключительно сильный, рослый, съ длинными ногами и руками, онъ своимъ примѣромъ показывалъ скорость зарядки орудія. Благодаря своей силѣ и сложенію его методъ зарядки команда называла «Урусовская зарядка» и говорила: «Князь можетъ — потому въ емъ сила есть!»

Скоро князь былъ назначенъ старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ на «Святой Евстафій». Тамъ передъ нимъ открылось широкое поприще не только въ дѣлѣ обученія, но и въ пристрѣлкѣ и работахъ въ комиссіяхъ по тактическимъ и техническимъ вопросамъ.

Во время стрѣльбъ, Валерій Николаевичъ стремился придать имъ, въ предѣлахъ возможности, боевую обстановку,

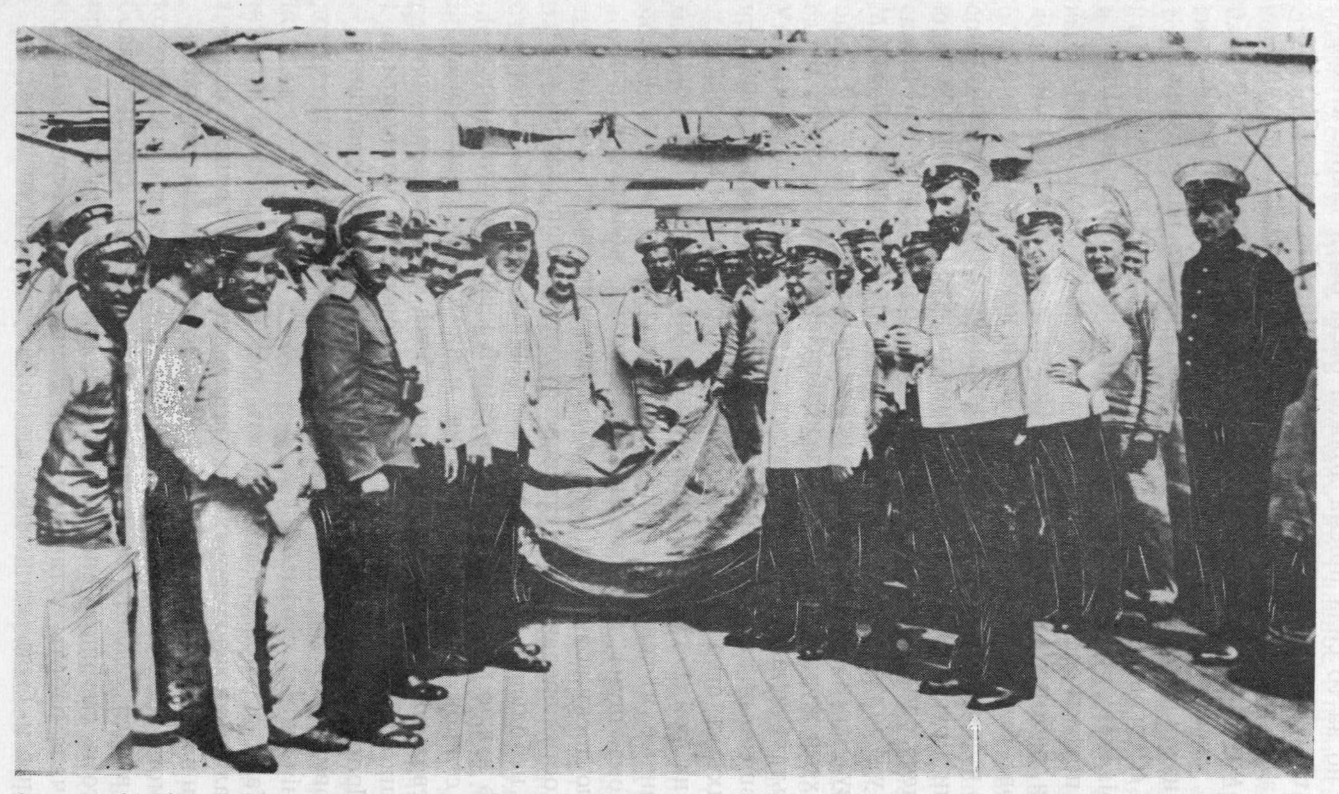
то-есть стрѣльба была не для показа, а для подготовки личнаго состава къ преодолѣнію тѣхъ поврежденій, которыя могли бы случиться въ бою. Симулируя, выключеніемъ того или другого прибора поврежденіе, онъ училъ свою команду находить это поврежденіе и исправлять его. Такой методъ стрѣльбы часто мѣшалъ кораблю быть первымъ по скорости, но давалъ ту боевую подготовку, которая сказалась во время войны. Князь былъ всегда спокойнымъ и храбрымъ передъ лицомъ опасности. Однажды, на «Св. Евстафіѣ», во время призовой комендорской стрѣльбы изъ 8-мидюймовыхъ орудій (стрѣльба на скорость), отъ остатка тлѣющаго картуза въ каналѣ орудія загорѣлся вновь досланный въ орудіе зарядъ пороха. Газами этотъ зарядъ былъ выброшенъ на полъ казамета на приготовленные заряды, заключенные въ шелковые картузы. Урусовъ, случайно находившійся въ казематѣ, схватилъ горящій зарядъ и выбросилъ его за бортъ. Онъ сильно обгорѣлъ, лицо его и руки долго носили слѣды ожоговъ послѣ того, какъ были сняты бинты. Работа на «Св. Евстафіи» выдвинула Валерія Николаевича на первое мѣсто среди артиллерійскихъ офицеровъ Чернаго моря. Въ тотъ короткій промежутокъ времени, который отдѣлилъ русско-японскую войну отъ первой міровой войны, на долю Чернаго моря выпала роль артиллерійскаго полигона флота. Кромѣ стрѣльбъ для испытанія новыхъ орудій, стрѣльбъ для составленія новыхъ таблицъ, стрѣльбъ по специально построенному отсѣку корабля и по одному изъ старыхъ броненосцевъ, въ Черномъ морѣ вырабатывались методы эскадренной стрѣльбы. При быстрострѣляющихъ орудіяхъ вопросъ объ сокращеніи до минимума времени на пристрѣлку дѣлался кардинальнымъ. Быстрая пристрѣлка требовала централизованнаго управленія огнемъ. Осуществить централизованный огонь эскадры возможно было только при наличіи хорошей связи между судами эскадры. Радіотелеграфныя установки на судахъ и особенно высокоподнятыя на стеньгахъ сѣти-антены были легко уязвимы для непріятельскаго огня. Усилителей для пріема сигналовъ не существовало. При этихъ условіяхъ радіо-телеграфъ разсматривался какъ связь стратегическая, а не тактическая. Столкнувшись съ необходимостью получить такую связь, которая позволила бы артиллеріи пользоваться ею во время боя, артиллеристы: флагманскій артиллеристъ В. М. Пышновъ и В. Н. Урусовъ обра-

тились къ «энтузіастамъ радіосвязи», которыхъ въ то время въ Черноморскомъ флотѣ (плавающемъ составѣ) было двое: флгаманскій радіо-телеграфный офицеръ А. А. Тучковъ и преподаватель радіотелеграфной школы П. Е. Стоговъ, авторъ настоящей статьи. Въ Черномъ морѣ, какъ и въ другихъ моряхъ, «энтузіасты» по своей спеціальности часто по какому-нибудь вопросу объединялись общей работой на пользу своей спеціальности и флота вообще.

Урусовъ и Пышновъ обратились со своей проблемой къ группѣ, въ которую входили кромѣ радіотелеграфистовъ — минеръ Б. М. Пышновъ, корабельный инженеръ Звягинъ и штурманскій офицеръ Цвингманъ. Эта группа снимала отдѣльный домъ, гдѣ собирались и жили холостяки. На собраніяхъ бывали иногда и старшіе изъ офицеровъ, какъ, напримѣръ, начальникъ оперативнаго отдѣленія штаба — кап. 1 р. Лукинъ.

Я не встрѣчалъ Урусова послѣ выпуска изъ Морского Корпуса и впервые послѣ этого увидалъ его на собраніи по поводу необходимости сдѣлать что-нибудь въ вопросѣ радіотелеграфной связи для артиллеристовъ. Валерій Николаевичъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе: въ немъ сочеталась рѣдкая скромность вмѣстѣ съ упорнымъ стремленіемъ къ одной цѣли — улучшенію артиллеріи и возвеличенію Россійскаго флота. Князь былъ докладчикомъ на этомъ засѣданіи. Онъ объяснилъ Тучкову и мнѣ что нужно для артиллеріи, чтобы осуществить для эскадры централизованное управленіе огнемъ. Во время доклада Валерій Николаевичъ совершенно преобразился и со своими горящими глазами, длинной густой бородой напоминалъ вѣтхозавѣтнаго пророка. Требованія его были чрезвычайно трудными, или казались тогда такими, потому-что они противорѣчили тому пути, въ сторону котораго развивался радіотелеграфъ. Дальность дѣйствія и сила пріема требовали высокихъ мачтъ, длинныхъ сѣтей и мощныхъ отправителей. Получить мощные отправители было нельзя, такъ какъ ихъ нужно было бы заказывать черезъ Главное Управленіе Кораблестроенія и Снабженія. Это управленіе пожелало бы сначала разсмотрѣть вопросъ, отложивъ рѣшеніе на долгій срокъ, или просто отвѣтило бы отказомъ, ссылаясь на отсутствіе кредитовъ.

Единственное облегчающее условіе было то, что дальность дѣйствія спеціальныхъ станцій ограничивалась 2-4 ми-

Артиллерійскіе офицеры не крейсерѣ «Память Меркурія» въ 1913 году осматриваютъ щитъ послѣ боевой стрѣльбы.

Лейт. князь В. Н. Урусовъ.

лями, но за то сила пріема должна была быть такой, чтобы сдѣлать ее эффективной при артиллерійской стрѣльбѣ. На засѣданіи я сообщилъ, что считаю необходимымъ изучить рядъ матеріаловъ по этому поводу въ тѣхъ книгахъ, которыя я, какъ секретарь-казначей Морской Библіотеки, выписывалъ изъ заграницы. Тучковъ формулировалъ наше рѣшеніе такъ: «Стоговъ будетъ дѣлать предварительное изслѣдованіе матеріаловъ, производить предварительные опыты въ Школѣ, а потомъ сообщать о результатахъ, а я помогу провести мелкія работы въ мастерскихъ Порта и на «Кронштадтѣ». Тучковъ былъ хорошимъ техникомъ и исключительно хорошимъ пріемщикомъ на слухъ, но предпочиталъ, чтобы работу дѣлали другіе. Я прекрасно понималъ, что это потребуетъ отъ меня работы по воскресеніямъ на долгій срокъ, но Урусовъ убѣдилъ меня въ важности дѣла, и я пошелъ на эту жертву. Черезъ два мѣсяца, не найдя ничего подходящаго въ книгахъ и журналахъ, я началъ испытанія разныхъ сѣтей. Въ результатѣ испытаній мнѣ удалось выяснить, что сѣти низко подвѣшенныя надъ водой на бамбуковыхъ палкахъ, привязанныхъ къ стволамъ трехдюймовыхъ орудій, могли передавать на рейдѣ сигналы достаточной мощности. Телефоны, вдѣланные въ спеціальный шлемъ, получали сигналы при сильномъ шумѣ, производимымъ ударами молота металлическую доску вблизи пріемника. Была возможность повысить мощность передачи за счетъ перегрузки судовой станціи или даже небольшой передѣлки этой станціи. Вопросъ о передѣлкѣ нужно было оставить на самый крайній случай, такъ-какъ станція корабля была одна, и замѣны получить было бы невозможно. Испытанія по передѣлкѣ я сдѣлалъ со станціей школы, и они дали значительное повышеніе мощности.

Проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ, я смогъ сообщить Тучкову и артиллеристамъ, что можно будетъ сдѣлать испытанія уже на стрѣльбѣ.

Сама установка состояла изъ судовой станціи, которая спеціальными изолированными проводами подводила энергію къ наружной антеннѣ каждаго борта. Ходить на стрѣльбы я не могъ самъ, чтобы не пропускать занятій въ школѣ. Урусовъ взялся слѣдить за нашимъ приборомъ на стрѣльбахъ и потомъ сообщать мнѣ о результатахъ. Послѣ 8 мѣсяцевъ съ начала работы установки, передѣлки на корабляхъ были сдѣланы и былъ написанъ актъ объ успѣшности дѣйствія

5*

новой схемы и этотъ актъ посланъ въ Главное Управленіе. Эта работа создала мнѣ враговъ, но сблизила меня съ Урусовымъ, который оцѣнилъ мою «жертвенность». Закончивъ работу съ бортовыми сѣтями, я продолжалъ работы по другимъ вопросамъ, связаннымъ съ примѣненіемъ разныхъ методовъ связи. Изученіе заграничныхъ работъ привело меня къ убѣжденію, что нашъ флотъ отсталъ въ вопросахъ связи и что надо произвести рядъ изысканій и заказать рядъ новыхъ приборовъ, чтобы можно было догнать нашего будущаго врага — Германію. Собравъ весь матеріалъ, я подалъ объ этомъ рапортъ по командѣ. Главное Управленіе нашло совершенно недопустимымъ, чтобы какой-то офицеръ плавающаго состава посмѣлъ указать на недостатки въ техническомъ оборудованіи радіотелеграфіи. Это Управленіе, черезъ Морского Министра, просило о лишеніи меня званія миннаго офицера, какъ человѣка, очевидно, совершенно не знающаго своей спеціальности. Морской Министръ отказалъ Главному Управленію въ его просьбѣ, также отказалъ и въ слѣдующей просьбѣ — лишить меня права преподаванія.

При создавшихся условіяхъ мнѣ стало яснымъ, что помогать дѣлу развитія радіотелеграфіи, оставаясь въ Черномъ морѣ, я больше не могу. Почти одновременно со мной, Тучкову пришлось покинуть свой постъ флагманскаго радіотелеграфиста. Мы оба рѣшили переходить въ Центръ и оттуда продолжать свою работу. Тучковъ пошелъ въ Минный отдѣлъ Главнаго Управленія, а я воспользовался предложеніемъ идти историкомъ въ Морской Генеральный Штабъ. Мы оба оказались въ Петербургѣ въ ожиданіи того времени, когда окажется возможнымъ интенсивно нести нашу техническую работу.

Въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ (ГЕНМОР) на мой докладъ о несовершенствѣ нашей радіотелеграфіи смотрѣли положительно и мнѣ было предложено начать работать по исторіи или радіотелеграфіи. Я просилъ разрѣшенія работать по обоимъ вопросамъ, что было мнѣ разрѣшено.

Уѣзжая изъ Севастополя, я получилъ отъ Валерія Николаевича подробное описаніе нашего общаго «дѣтища» — бортовой сигнализаціи. Эта сигнализація получила уже всѣ права гражданства и сѣти ставились и убирались съ одного борта на другой въ нѣсколько минутъ.

Съ лѣта 1913 года до начала войны мнѣ пришлось ждать

болѣе года до того времени, когда снова оказалось возможнымъ и срочно нужнымъ по радіо-испытаніямъ и изобрѣтеніямъ. Отъ Тучкова я узнавалъ, что дѣлается въ Главномъ Управленіи. Первая работа, которая мнѣ досталась въ области радіо, послѣ начала войны, была связана съ новыми усилителями (амплифайерсъ) примѣнявшими радіо-лампочки. Въ 1912 году приват-доцентъ Политехническаго Института Чернышевъ получилъ годовой отпускъ для работы въ США. Въ фирмѣ Вестингаузъ онъ получилъ мѣсто разсчетнаго инженера. На своей работѣ онъ ознакомился съ только-что появившимися лампочками Де Фореста и рѣшилъ сконструировать такой усилитель, который могъ бы оперировать релэ для цѣлей радіотелеграфіи. Онъ выполнилъ свое намѣреніе и, закончивъ свой отпускной годъ, вернулся въ Россію, въ Политехническій Институтъ. Чернышевъ рѣшилъ подарить свой приборъ Морскому Вѣдомству для улучшенія радіосвязи. Подарокъ былъ съ благодарностью принятъ и положенъ въ склады Главнаго Управленія. Прошло почти два года и приборъ продолжалъ лежать на складѣ. Съ приближеніемъ войны Чернышевъ началъ наводить справки, что случилось съ его подаркомъ. Приборъ былъ извлеченъ изъ склада на свѣтъ Божій, и Тучкову было поручено произвести испытанія. Тучковъ, Чернышевъ и я собрались вмѣстѣ, чтобы рѣшить, какъ можно сдвинуть съ мѣста это чрезвычайно важное изобрѣтеніе. Мы посовѣтовали Чернышеву использовать его приборъ для цѣлей артиллерійскихъ, войдя для этого въ контактъ съ однимъ изъ заводовъ, вырабатывающихъ приборы-передатчики отъ центральныхъ постовъ къ орудіямъ. Эти приборы входили въ оборудованіе, заказанное для новыхъ линейныхъ кораблей. Примѣняя бортовыя сѣти и ламповые усилители, возможно было бы ускорить передачу при централизованной эскадренной стрѣльбѣ. Уже во время войны, въ Артиллерійскомъ отрядѣ, мнѣ пришлось испытать новый усилитель. Результаты испытаній, длившихся нѣсколько дней, показали, что при хорошихъ сѣтяхъ (нормальныя судовыя сѣти) указатели на принимающемъ кораблѣ функціонировали хорошо, но при бортовыхъ антеннахъ усиленіе было недостаточнымъ. Повышеніе усиленія было легко достигнуть увеличеніемъ числа ступеней усилителя. Испытанія были вполнѣ успѣшны. Заводъ Эриксона, съ которымъ Чернышевъ вошелъ въ соглашеніе, сдѣлалъ предложеніе на не-

обходимое оборудованіе для всей новой системы, необходимой для централизованнаго эскадреннаго управленія огнемъ. Заказъ на первый приборъ для новыхъ линейныхъ кораблей былъ данъ. Появленіе лампочныхъ усилителей и пріемниковъ раскрыло широкую дорогу къ развитію связи. Я собирался сообщить Урусову о новыхъ возможностяхъ связи, но количество работы у меня настолько росло, что я рѣшилъ поговорить съ нимъ лично при первой моей поѣздкѣ въ Севастополь.

Осенью 1914 года я былъ вызванъ по телефону княгиней Урусовой, матерью Валерія Николаевича. Я съ княгиней не былъ знакомъ, но очевидно, Валерій ей говорилъ обо мнѣ. Княгиня спросила меня очень взволнованно — правда ли, что сынъ ея убитъ? Я отвѣтилъ, что боевыхъ столкновеній за послѣднее время не происходило и о нашихъ потеряхъ Штабу ничего не извѣстно. Въ свою очередь я спросилъ, кто сообщилъ ей новость о смерти сына? Княгиня отвѣтила, что она сама рѣшила, что онъ убитъ, потому что она давно не получала отъ него писемъ. Чтобы успокоить княгиню, я предложилъ княгинѣ отправить письмо съ кондукторомъ, который долженъ былъ выѣхать на другой день съ почтой. Я обѣщалъ, что кондукторъ лично передастъ Валерію Николаевичу письмо отъ меня, въ которомъ я буду просить срочнаго отвѣта для княгини. Я обѣщалъ ей, что поручу кондуктору подождать отвѣта и не уходить отъ него. Княгиня меня очень благодарила и просила, чтобы я самъ завезъ ей письмо, чтобы она могла меня лично поблагодарить.

Письмо черезъ недѣлю было мною доставлено и я смогъ познакомиться съ патріархальной семьей Валерія Николаевича. Я, конечно, не разсказалъ о томъ, какъ Валерій Николаевичъ негодовалъ, что ему не даютъ заниматься серьезнымъ дѣломъ, а требуютъ какихъ-то писемъ.

Осенью 1914 года я долженъ былъ съѣздить въ Севастополь, въ связи съ намѣчавшимися испытаніями по радіосвязи, а также для того, чтобы попутно передать секретную почту по назначенію. Къ моему великому удивленію я увидалъ на вокзалѣ Урусова съ маленькой корзиночкой въ рукахъ. На мой вопросъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ, что ѣдетъ въ Севастополь, гдѣ онъ надѣется сходить на «Св. Евстафіи» къ Босфору и гдѣ возможно будетъ столкновеніе съ «Гебеномъ». На мой вопросъ — знаетъ ли княгиня объ

его отъѣздѣ, онъ сказалъ, что нѣтъ. Я предложилъ ему мѣсто въ своемъ купе, но при условіи, что онъ сейчасъ-же извѣстить княгиню по телефону о своемъ отъѣздѣ. Исполнивъ мою просьбу, Валерій Николаевичъ сѣлъ со мною вмѣстѣ въ двухмѣстное купе, гдѣ мы смогли поговорить по душамъ. Разговоръ прерывался только, когда мы ходили въ вагонъ-ресторанъ. Я сообщилъ Валерію Николаевичу объ испытаніяхъ съ приборами Эриксона и съ тѣми возможностями для артиллеріи, которыя открываются въ области радіоавіаціи. Помню какъ мы обсуждали вопросъ о томъ, скоро ли можно будетъ построить такія пушки, которыя могли бы стрѣлять на морѣ за предѣлы видимости. Такая стрѣльба дѣлалась возможной при условіи переноса управленія огнемъ на аэропланъ, хорошо связанный радіопередачей съ судами на поверхности. Мы оба рѣшили, что при сравнительно медленномъ прогрессѣ орудійной техники, управленіе съ аэроплана не будетъ имѣть мѣста въ эту войну. Со своей стороны, Валерій Николаевичъ, назначенный на «Императрицу Марію» старшимъ артиллеристомъ, говорилъ мнѣ о своихъ надеждахъ встрѣтиться съ «Гебеномъ».

Управленіе стрѣльбой на «Императрицѣ Маріи» будетъ не эскадренное, а судовое, такъ какъ новый линейный корабль не можетъ быть въ одномъ строю со старыми Черноморскими линейными кораблями. Эскадренное управленіе возможно будетъ осуществить только когда будетъ закончена постройка двухъ новыхъ линейныхъ кораблей.

Я возвращался обратно въ Петербургъ черезъ два дня послѣ моего пріѣзда, везя съ собой, кромѣ секретной почты, нѣсколько корзинокъ съ виноградомъ. На вокзалѣ вновь встрѣчаю Валерія Николаевича, который сообщаетъ мнѣ, что шансовъ на походъ нѣтъ и что онъ возвращается тоже въ Петербургъ для спеціальныхъ артиллерійскихъ работъ. Нашъ обратный путь проводили поглощая виноградъ и вспоминая Морской Корпусъ. На полпути, на одной изъ большихъ станцій, мы купили газету изъ которой узнали, что «Гебенъ» подходилъ къ Севастополю. Эта новость вывела князя изъ его всегда спокойнаго настроенія; онъ растерялся, не зная что ему дѣлать — возвращаться въ Севастополь, или ѣхать дальше. Я указалъ ему на то, что «Гебенъ» уже давно могъ вернуться въ Босфоръ и у него нѣтъ шансовъ попасть въ погоню за нимъ. Согласившись съ моими доводами, князь остался въ

поѣздѣ весьма удрученный. Мы разстались на Николаевскомъ вокзалѣ, торопясь по своимъ дѣламъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то есть зимой 1915 года, Валерій Николаевичъ зашелъ ко мнѣ въ Генморъ. У него была просьба ко мнѣ: онъ получилъ возможность уѣхать на короткое время съ мѣста своей службы для того, чтобы увидать въ дѣйствіи тяжелыя морскія гаубицы, которыя отправлялись на фронтъ. Князю было необходимо получить назначеніе въ эту морскую батарею на короткое время, которымъ онъ располагалъ. Мнѣ удалось помочь ему исполнить его желаніе. Сестра князя снарядила его въ путь, снабдивъ всей необходимой зимней формой. Командировка князя продолжалась очень недолго, только-что онъ успѣлъ поселиться въ окопахъ, какъ пришло распоряженіе вернуться немедленно на «Императрицу Марію». Возвращаясь въ Петербургъ въ очень холодную погоду, Валерій Николаевичъ встрѣтилъ на одномъ изъ вокзаловъ сухопутную часть, отправлявшуюся на фронтъ. Одинъ изъ офицеровъ этой части былъ одѣтъ не по зимнему и Валерій Николаевичъ, попросивъ его пройти съ нимъ въ уборную, снялъ съ себя все свое зимнее обмундированіе, которое помогъ надѣть сухопутному офицеру. Заѣхалъ онъ за своимъ обычнымъ обмундированіемъ домой въ Петербургѣ безъ пальто, только въ одномъ кителѣ.

О томъ, какъ князь работалъ на «Императрицѣ Маріи», сначала на постройкѣ, а потомъ въ плаваніи въ качествѣ старшаго артиллериста, хорошо написано группой его сплавателей въ Парижѣ. Статья эта была помѣщена въ газетѣ «Русская Мысль». Здѣсь приводятся выдержки изъ этой статьи: **Памяти князя В. Н. Урусова.**

«На постройкѣ князь, съ присущей ему энергіей, ревностно слѣдилъ за быстротой и точностью выполненія заводомъ артиллерійскихъ работъ. Сдавъ прекрасно артиллерійскую пробу у г. Очакова 30 іюня 1915 г. «Императрица Марія» вошла торжественно на Большой Севастопольскій рейдъ.

Обученіе комендоровъ, гальванеровъ и всей прислуги орудій князь проводилъ умѣло и настойчиво. Надо полагать, что рѣдко гдѣ искусство стрѣльбы было доведено до такого совершенства какъ на «Императрицѣ Марія». Князь не зналъ отдыха, никогда не съѣзжалъ на берегъ, до поздней ночи всегда былъ занятъ своимъ дѣломъ и часто поздно вечеромъ его можно было найти гдѣ-нибудь въ центральномъ боевомъ

посту со своими любимыми гальванерами на приборахъ управленія огнемъ ведшаго «очередной бой» съ «Гебеномъ».

Огромнаго роста, сухой, мускулистый, съ косматой бородой, фанатично преданный своему дѣлу, первый артиллеристъ флота, онъ былъ грозой «Гебена», но и грозой для своихъ. Его комендоры трепетали передъ нимъ, но и боготворили его. «Урусовская» школа была суровой, но зато выходили изъ нея комендоры — стая боевыхъ орловъ «сто сотъ». Во время выходовъ въ море, князь никогда не спускался въ каюту, всегда наверху, и ночью, какая бы не была погода, спалъ подъ открытымъ небомъ на мостикѣ. Къ его ногѣ былъ привязанъ шнуръ изъ боевой рубки и дежурный артиллерійскій унтеръ-офицеръ могъ немедленно вызвать князя въ рубку.

Судьба не благопріятствовала «Императрицѣ Маріи» и, несмотря на безконечные выходы въ море въ поискахъ «Гебена», встрѣчи столь желанной, столь необходимой для успѣшнаго быстраго завершенія войны, не было. Была только встрѣча съ легкимъ крейсеромъ «Бреслау» 9 іюля 1916 года у береговъ Анатоліи, къ сожалѣнію на предѣльныхъ дистанціяхъ огня 12-дюймовыхъ пушекъ — 120 кабельтовыхъ (около 20 верстъ). Одинъ залпъ легъ кучно вблизи «Бреслау». Одинъ снарядъ разорвался вблизи его, ранилъ и убилъ 7 человѣкъ команды. Пользуясь преимуществомъ хода, выпустивъ дымовую завѣсу и сбросивъ 15 спеціальныхъ минъ, «Бреслау» смогъ скрыться отъ преслѣдованія.

1 октября 1916 года взрывъ погребовъ носовой 12-дюймовой башни на «Императрицѣ Марія» уничтожили этотъ корабль. Во время взрыва «Императрицы Маріи» Валерія Николаевича на кораблѣ не было. Потеря любимаго корабля такъ повліяла на него, что онъ заболѣлъ отъ горя и нервнаго потрясенія. Послѣ выздоровленія князь получилъ назначеніе командовать морской артиллеріей на Дунаѣ. Работа на Дунаѣ была трудная и отвѣтственная, и она потребовала отъ Валерія Николаевича большого организаторскаго таланта и умѣнія импровизировать въ созданіи нужныхъ техническихъ средствъ.

Организація стрѣльбы была имъ доведена до исключительнаго совершенства. Вотъ какъ описываетъ работу, произведенную княземъ Урусовымъ, его замѣститель: «Валерій Николаевичъ досталъ въ Севастопольскомъ порту азимут-

ные круги со старыхъ, номерныхъ миноносцевъ. Эти круги были имъ по-парно установлены противъ каждой непрiятельской батареи на наблюдательныхъ пунктахъ. Князь разработалъ карту всей мѣстности, гдѣ были расположены непрiятельскiя батареи. На картѣ, по двумъ пеленгамъ, наблюдатели могли, по одному выстрѣлу, сдѣланному по батареѣ, получить всѣ данныя для пристрѣлки (перелетъ или недолетъ и поправку цѣлика). При такой системѣ и при такомъ оборудованiи вся пристрѣлка сводилась къ одному выстрѣлу для каждой батареи, а дальше стрѣльба велась уже на пораженiе.

Князь закончилъ свою работу, включая и планъ передѣлокъ станковъ 6-дюймовыхъ орудiй Канэ. Передѣлка была сдѣлана уже послѣ отъѣзда князя, пользуясь осуществленной имъ передѣлкой маленькой мѣстной мастерской въ Сулинѣ. Эту работу отказался дѣлать судостроительный заводъ въ Николаевѣ.

Насколько хорошо была приготовлена артиллерiйская стрѣльба Урусовымъ видно изъ того, что когда 9 iюня было приказано открыть огонь по непрiятельскимъ тяжелымъ батареямъ, то онѣ были уничтожены полностью въ 20 минутъ. Въ то же время, на сухопутномъ фронтѣ, гдѣ шло «наступленiе Керенскаго», стрѣльба длилась 4 дня для того, чтобы достигнуть той же цѣли.

Передѣлка станковъ Канэ позволила настолько повысить ихъ дальность дѣйствiя, что наши самоходныя небронированныя баржи успѣшно боролись съ болгарскими и нѣмецкими тяжелыми батареями, прикрытыми бетономъ и помѣщенными за скалами.

Во время своего пребыванiя на Дунаѣ князь жилъ со своими комендорами на «центральномъ посту». Князь придумалъ особый способъ рыбной ловли, который примѣнялся когда задерживалась доставка продуктовъ изъ Севастополя. Система была слѣдующая: по очередной нѣмецкой батареѣ дѣлался выстрѣлъ, команда одновременно сходила съ баржи на берегъ (баржа была скрыта отъ непрiятеля деревьями). Тузикъ заблаговременно спускался и шелъ ловить ту рыбу, которая всплывала отъ разрывовъ нѣмецкихъ снарядовъ, рвавшихся въ водѣ. Поперекъ рѣки специальная сѣть перегораживала Дунай, чтобы защитить баржи отъ пловучихъ минъ, спускаемыхъ по теченiю болгарами.

Команда любила князя, который былъ съ ней всегда простъ и ровенъ въ обращеніи и всегда работалъ наравнѣ или больше своихъ подчиненныхъ. Команда продолжала хорошо относиться къ Валерію Николаевичу и послѣ февральской революціи.

Князя перевели, какъ закончившаго главную часть работы, на позицію Чудскаго озера, гдѣ также находилась морская артиллерія. На новомъ мѣстѣ князь работалъ съ прежней настойчивостью, хотя ясно было, что при революціи одержать побѣду было нельзя. О томъ, какъ его любила и берегла команда видно изъ опроса, произведеннаго однимъ изъ товарищей Урусова въ 1919 году среди морской команды Чудской базы, гдѣ Урусовъ служилъ до 1918 года. Команда дезертировала отъ большевиковъ, и вотъ что они сказали про Урусова: «хорошій и чудно́й былъ онъ баринъ. Къ намъ пріѣхалъ комиссаръ изъ Питера и всѣхъ созвали на митингъ, а князь сидитъ въ каютъ-кампаніи, и мы его уговаривали, чтобы онъ тоже шелъ. Онъ сидитъ и говоритъ: зачѣмъ мнѣ идти туда, я — монархистъ, и вынимаетъ Кольтъ. Ну, мы пошли и доложили, что онъ — больной, а то его не помиловали».

При первой возможности пробраться на Востокъ къ Колчаку, Валерій Николаевичъ туда и направился для того, чтобы продолжать бороться за Россію. Путь на Дальній Востокъ былъ исключительно трудный, но ему удалось, преодолѣвъ всѣ затрудненія, добраться до Владивостока. Однокашнику князя. кап. 1 р. М. А. Китицыну было поручено въ 1919 году снять осаду съ городка, расположеннаго недалеко отъ залива Америка. Первое распоряженіе М. А. Китицына было взять къ себѣ начальникомъ штаба Валерія Николаевича. О совмѣстной, удачной работѣ съ княземъ онъ пишетъ такъ: «Съ этой минуты все закипѣло и мы вдвоемъ дружно, гармонично, съ полнымъ довѣріемъ и пониманіемъ другъ друга, не доѣдая и не досыпая, выполнили громадное количество работы въ очень короткое время. Отрядъ ,который производилъ десантъ, состоялъ изъ полдюжины судовъ и пловучихъ средствъ; мой флагъ былъ на «Св. Георгіи». Въ числѣ судовъ отряда находился британскій броненосный крейсеръ «Кентъ». Его командиръ, мой другъ капитанъ Эдвардсъ, былъ очень взволнованъ первой неудачей и испросилъ и получилъ раз-

рѣшеніе помочь намъ. Онъ явился ко мнѣ и объявилъ, что прибылъ въ мое распоряженіе. Мы съ Валеріемъ дали ему диспозицію. Атака развернулась какъ по часамъ. Наша разнокалиберная армада — грязнуха, которая служила десантнымъ судномъ, «Кентъ» и прочія суда, всѣ появились въ одно и то же время, на разсвѣтѣ. «Кентъ» подготовилъ высадку нѣсколькими 8-дюймовыми залпами, миноносецъ обсыпалъ пляжъ пулеметами и двѣ роты юнкеровъ быстро высыпались съ «Георгія» на грязнуху на берегъ. Мы успѣшно установили прочный «бичхеадъ» и организовали снабженіе. По окончаніи своей работы въ десантной операціи, когда возможность дальнѣйшихъ морскихъ операцій сдѣлалась невозможной, князь уѣхалъ сначала въ Іокагаму, а потомъ въ Шанхай, гдѣ онъ служилъ въ порту.

Сдѣлавшись эмигрантомъ, князь, уже женатый, сбрилъ бороду, но попрежнему оставался молчальникомъ. Когда оказалась возможность перебраться во Францію, онъ это сдѣлалъ. Тогда еще теплилась надежда на возстановленіе въ Россіи прежняго строя съ помощью иностранной интервенціи. Во Франціи князь рѣшилъ своей работой поддерживать доброе имя русскаго морского офицера. Свою задачу онъ выполнилъ блестяще. Онъ поступилъ техникомъ на заводъ, гдѣ за четверть вѣка службы заслужилъ всеобщее уваженіе и любовь. По окончаніи службы онъ былъ награжденъ спеціальной медалью, выданной ему управленіемъ завода. Работу его на заводѣ цѣнили настолько, что его вызывали уже послѣ отставки для спеціальныхъ вычисленій.

Въ своей семейной жизни князь былъ очень счастливъ, несмотря на слабое здоровье жены и плохія жизненныя условія.

За почти тридцать лѣтъ своего пребыванія въ Парижѣ онъ только три раза былъ въ Морскомъ Собраніи. Одинъ изъ его однокашниковъ прозвалъ его — Великимъ Молчальникомъ Земли Русской. Когда скончалась супруга князя и потомъ, по предѣльному возрасту, ему пришлось покинуть работу, онъ преодолѣлъ свою нелюбовь къ писанію и началъ переписываться съ нѣсколькими друзьями, въ томъ числѣ и съ авторомъ этой статьи. Переписка съ княземъ показала насколько онъ сохранилъ въ тяжеломъ одиночествѣ свой юморъ, насколько онъ былъ наблюдателенъ и какъ широкъ былъ кругъ его интересовъ. Въ числѣ интересующихъ его

вопросовъ были новости военнаго и морского дѣла, политика, театръ и литература. Онъ читалъ много книгъ и журналовъ. Крѣпко вѣрилъ Валерій Николаевичъ въ возсозданіе Россіи и въ то, что въ будущей жизни онъ встрѣтится со своей любимой женой. Изъ близкихъ людей въ Парижѣ онъ часто видѣлъ свою сестру, у которой онъ иногда гостилъ. Похороненъ онъ былъ вмѣстѣ съ женой на Русскомъ кладбищѣ. Провожать его пришли кромѣ моряковъ депутація отъ рабочихъ и администраціи завода, гдѣ онъ служилъ.

Князь Урусовъ былъ безспорно человѣкомъ необычайнымъ. Цѣльность натуры, громадная сила воли, аскетизмъ, полное отреченіе отъ самого себя во имя долга и любимаго дѣла. Страстная любовь къ Россіи, ея величію и славѣ флота, желаніе помочь людямъ, строгость къ себѣ и къ подчиненнымъ, но въ то же время снисходительное отношеніе къ людскимъ слабостямъ — вотъ его характерныя черты.

П. Е. Стоговъ.

Статья написана по матеріаламъ, полученнымъ отъ сестры князя Ксеніи Николаевны Коллона, М. А. Китицына, Я. В. Шрамченко, барона О. Б. Фитингофъ, Н. С. Харина и Ю. О. Кмиты.

Отъ редакціи:

Пространный некрологъ князя Валерія Николаевича Урусова помѣщенъ въ Бюллетенѣ Общества Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ, Инк. № 2/92 отъ августа 1960 г.

Н. В. Кемарскій.

ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦЪ "НОВИКЪ"

1911 - 1914.

«Весь созвучье стройныхъ линій...»

По мѣрѣ того какъ бѣгутъ безпощадные годы и короче становится нашъ жизненный путь, все рѣже начинаешь заглядывать впередъ и все чаще оглядываешься назадъ. Пройдетъ еще какой-нибудь десятокъ лѣтъ, и большинство изъ насъ, печально поникнувъ головой, скажутъ: «Все въ прошломъ»! А какое славное и чудное прошлое было у насъ — моряковъ Россійскаго Императорскаго Флота! Сколько въ немъ было радости и величественной красоты!

То, чему мы были свидѣтелями въ славныя времена отечества нашего, канетъ въ вѣчность вмѣстѣ съ нами и не перейдетъ нашимъ потомкамъ, если мы умолчимъ о томъ, что происходило въ наше время — пройдетъ безслѣдно и безполезно для нихъ. А между тѣмъ были событія, подвиги отдѣльныхъ лицъ, которымъ не должно умереть съ нами — ихъ свидѣтелями и современниками.

Прошло почти полвѣка послѣ 1-ой Великой Войны, и мало осталось воспоминаній о славныхъ дѣлахъ Балтійскаго флота. Въ разсказахъ, правда всегда мѣшается съ вымысломъ, и эта смѣсь даетъ дѣйствительнымъ событіямъ колеблющіяся очертанія, показывая ихъ какъ-будто сквозь дымку и дозволяя воображенію возстановлять по произволу эти неясныя очертанія и образы.

Все вышесказанное и заставляетъ меня подѣлиться моими воспоминаніями съ моими читателями.

Послѣднему своему возрожденію Флотъ обязанъ — Волѣ, Милости и Любви Державнаго Вождя, Государя Императора Николая II, исключительной работѣ всего офицерства и школѣ морской жизни, созданной адмираломъ вождемъ Николаемъ Оттовичемъ фонъ-Эссенъ.

* * *

Мнѣ до сихъ поръ не удалось прочесть ни одной, хотя бы краткой, брошюрки о первыхъ годахъ жизни эск. мин. «Новикъ». Книга кап. 2 р. Г. К. Графа повѣствуетъ о немъ съ 1914 года (послѣ начала 1-ой Великой Войны), а вѣдь онъ началъ жизнь съ 1911 года на стапелѣ Путиловскаго завода въ С.-Петербургѣ, являясь, какъ мнѣ помнится, третьимъ по счету кораблемъ Россійскаго Флота, носящимъ это славное имя.

Преданія и воспоминанія всегда грѣшатъ противъ дѣйствительности, а потому и послѣдующее изложеніе событій, основанное на воспоминаніяхъ, будетъ грѣшить противъ дѣйствительности и хронологіи, за что прошу читателей не особенно строго судить меня. Было бы даже весьма желательно, чтобы близко знакомые съ жизнью «Новика» въ тѣ времена, взяли бы на себя трудъ возстановить въ памяти, или въ сохранившихся у нихъ документахъ, и прислать свои исправленія въ редакцію, дабы восполнить пробѣлы въ исторіи этого славнаго корабля.

Не будучи въ числѣ офицеровъ, назначенныхъ на эск. мин. «Новикъ» на постройку, ни въ его первоначальномъ составѣ, съ которымъ онъ сдѣлалъ свой первый переходъ отъ стѣнки завода въ Кронштадтѣ, я все же постараюсь запечатлѣть въ настоящей краткой статьѣ все что слышалъ и сохранилъ въ памяти изъ разсказовъ этихъ счастливцевъ и, такимъ образомъ, освѣщу жизнь въ эпоху довоеннаго времени, этой боевой единицы Балтійскаго флота, послужившей прообразомъ всѣмъ послѣдующимъ, такъ называемымъ, «улучшеннымъ» эскадреннымъ миноносцамъ типа «Новикъ».

«Новикъ» былъ любимцемъ всего флота. Всѣ, до послѣдняго матроса, знали его, а адмиралъ Эссенъ лелѣялъ его какъ родного «внучка». *)

Рожденіе «Новика» осуществилось на добровольныя пожертвованія людей Земли Русской и тѣмъ, какъ-бы, послу-

---

*) "Сыномъ" адмирала Эссена слѣдуетъ считать крейсеръ 2 ранга "Новикъ" въ Портъ-Артурѣ.

жило прологомъ Большой Судостроительной Программы Балтійскаго флота, прошедшей черезъ Государственную Думу въ 1912 году.

Въ закипѣвшей созидательной работѣ были взвѣшены, изучены и учтены всѣ уроки и опытъ недавняго прошлаго, и на нихъ, какъ на прочномъ фундаментѣ, началась реальная работа возрожденія родного флота. И первымъ краеугольнымъ камнемъ конечно являлся «Новикъ». Много заботъ положилъ адмиралъ Эссенъ на то, чтобы его «перворожденное дѣтище» было дѣйствительно несравненно-превосходнымъ основнымъ камнемъ всего будущаго Новаго Флота. Онъ, его «Новикъ», предназначался быть образцомъ какъ въ механически-техническомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи.

Адмиралъ Эссенъ РѢШИЛЪ вдохнуть въ него душу живую: онъ самъ выбралъ командира, а помощниками ему были назначены офицеры, прошедшіе военно-морскую школу и боевое крещеніе въ Портъ-Артурѣ. По Балтійскому флоту былъ отданъ приказъ: представить въ Штабъ Флота списки лучшихъ людей по всѣмъ спеціальностямъ, дабы изъ числа ихъ впослѣдствіи было командировано необходимое количество команды для комплектованія эск. мин. «Новикъ». Съ тяжелымъ сердцемъ и большой неохотой былъ выполненъ этотъ приказъ. У насъ, на 1-ой Минной Дивизіи Балтійскаго флота, онъ долго обсуждался и въ каютъ-кампаніяхъ и среди командировъ: всѣ отлично сознавали необходимость и цѣлесообразность приказа, однако никому не хотѣлось разставаться съ лучшими людьми, но что-жъ дѣлать — потужили, потужили, а все-таки выполнили волю начальства — и въ награду отправили съ благословеніемъ къ «новому мѣсту службы». Горечь утраты старались уменьшить и смягчить тѣмъ обстоятельствомъ, что уходило не больше одного, двухъ человѣкъ съ каждаго корабля, да къ тому же они не терялись для флота, а наоборотъ, наилучшимъ образомъ были использованы. Зато командированные были рады и гордились своимъ новымъ назначеніемъ, а остальные въ душѣ завидовали этимъ «счастливчикамъ», и подтягивались сами по службѣ, въ надеждѣ быть выбранными для перевода на слѣдующіе корабли. Нельзя умолчать: были и подвохи со стороны нѣкоторыхъ кораблей. Да, были, къ сожалѣнію, списавшіе людей имъ ненужныхъ, но это не отразилось на личности команды «Новика», ибо морально и технически менѣе

достойные люди подтягивались подъ общій тонъ или, въ крайнемъ случаѣ, списывались съ «Новика» и замѣнялись дѣйствительно достойными.

Итакъ, духовный и техническій обликъ команды новостроившагося корабля былъ первоклассный. Иначе быть не могло — «Новикъ» являлся разсадой для всего будущаго флота — «она» должна была хорошо приняться и дать богатые плоды.

Въ каютъ-компаніи офицеровъ «Новика» царило полное согласіе и солидарность. Старшіе давали тонъ, — младшіе, всѣ до единаго прошедшіе искусъ корабельнаго гардемаринскаго плаванія въ условіяхъ строгой морской дисциплины и этики, быстро усваивали необходимое — новое, и являлись цѣнными помощниками командиру и старшимъ спеціалистамъ. Соблюдая всѣ традиціи и Морской Уставъ, каютъ-компанія умѣла и поработать, и повеселиться, являясь одной изъ популярнѣйшихъ на всемъ флотѣ. Все было строго по закону, всѣ отлично сознавали — «дѣлу время — потѣхѣ часъ», и служба неслась такъ же отчетливо, какъ и на корабляхъ 1-го ранга. Не было упрощенной миноносной службы. Можно не преувеличивая сказать — это былъ неофиціальный учебный корабль-миноносецъ.

На «Новикѣ», какъ на Гардемаринскомъ Отрядѣ, была выработана «инструкція для несенія вахтенной службы», выпущенная карманной книжечкой. Опрятность и чистота команды поддерживались съ большой щепетильностью; такъ, передъ обѣдомъ и ужиномъ производился осмотръ чистоты рукъ; послѣ конца работъ вся команда, какъ строевая, такъ и машинная, переодѣвалась въ чистое платье. Забитости и ожесточенія ни въ комъ не замѣчалось, несмотря на то, что недремлющее око закона неослабно слѣдило за неуклоннымъ исполненіемъ всего предписывающагося, и за всякое упущеніе по службѣ налагалось взысканіе, равно какъ на офицеровъ, такъ и на комнаду. Унтеръ-офицеры не носили своихъ дудокъ только для вида, а имѣли персональность и вѣсъ въ военной іерархіи. Все было подтянуто, во всѣхъ чувствовался духовный подъемъ, сознаніе долга — всѣ съ гордостью носили ленточку съ надписью «Новикъ».

И такъ казалось не только мнѣ лично, но и другіе офицеры 1-ой Минной Дивизіи говорили то же. Они наблюдали жизнь «Новика» какъ посторонніе, а вѣдь со стороны всѣ

ошибки и недостатки всегда виднѣе. При появленіи «Новика» въ Ревелѣ чувство гордости овладѣвало нашими сердцами. Когда же онъ входилъ въ Ревельскую Военную гавань и швартовался къ Восточной стѣнкѣ ея, команды прочихъ миноносцевъ опрометью неслись принимать концы на больверкѣ — каждому хотѣлось услужить ему первымъ. Закрѣпивъ швартовы, матросы обыкновенно еще долго стояли какъ зачарованные у его кормовой сходни; къ нимъ присоединялись другіе — одни уходили, другіе являлись на смѣну, и нерасходившаяся толпа матросовъ и группы офицеровъ постоянно находились на стѣнкѣ вблизи кормы «Новика». Въ дни его стоянокъ. среди насъ разговоры велись исключительно о немъ, онъ былъ у всѣхъ на устахъ.

Въ рѣдкіе дни его стоянокъ съ нами въ Ревельской гавани у Восточнаго больверка (стѣнки), мы со вниманіемъ слѣдили за повседневной жизнью нашего любимца, вѣдь она такъ значительно отличалась отъ нашей! Да и самъ «Новикъ», превосходя всѣ прочіе миноносцы своими размѣрами чуть ли не въ полтора раза *), съ высотой борта въ 11 футъ, казался намъ не эскадреннымъ миноносцемъ, а чѣмъ-то гораздо бóльшимъ.

Намъ всѣмъ хотѣлось побывать на немъ, ознакомиться съ «нимъ» поподробнѣе, но, боясь быть назойливыми, мы не рѣшались просить разрѣшенія посѣтить его.

Мнѣ лично въ этомъ отношеніи посчастливилось больше другихъ. На «Новикѣ» плавало двое мичмановъ моего выпуска (мичм. М. М. Максимовичъ и инж. мех. мичм. А. А. Грибовскій), и съ ихъ помощью я проникъ во всѣ отдѣленія «Новика». излазилъ его всего отъ форъ- до ахтеръ-штевня, и такъ увлекся осмотромъ, что едва не остался «нѣтчикомъ». Время осмотра было мною выбрано не совсѣмъ удачно, какъ разъ въ день ухода нашего 4-го дивизіона 1-ой Минной Дивизіи въ море. Но порывъ не терпитъ перерыва... я не могъ откладывать осмотра и ждать другого счастливаго случая, — таковой могъ не представиться. Осмотръ былъ очень поучителенъ и интересенъ и потому затянулся настолько долго, что, когда я, въ сопровожденіи любезныхъ хозяевъ, появился изъ люка румпельнаго отдѣленія на верхней палубѣ, то замѣтилъ что мой дивизіонъ началъ уже сниматься съ якорей

---

*) "Новикъ" — 336 футъ длины; наидлиннѣйшій изъ старыхъ — "Сибирскій Стрѣлокъ" — 146; другіе еще короче.

и швартововъ. На свой корабль я опоздалъ, — онъ уже отошелъ отъ стѣнки и стоялъ безъ движенія въ ожиданіи свободнаго выхода черезъ ворота гавани;*) другой миноносецъ нашего дивизіона загородилъ выходъ всѣмъ прочимъ, тщетно силясь освободить свой «адмиралтейскій» якорь, зацѣпившійся за якорный канатъ какого-то другого корабля и оказавшійся подъ дномъ «Новика». Эта неожиданная заминка дала мнѣ возможность попасть на мой миноносецъ. Я поспѣшилъ на одинъ изъ миноносцевъ своего дивизіона, еще не отошедшій отъ стѣнки и, когда онъ, въ своемъ послѣдующемъ движеніи впередъ, подвелъ свой бушпритъ близко къ борту моего миноносца, я перебѣжалъ по нему и достигъ мѣста назначенія.

Случаевъ съ якорями и якорными канатами, подобныхъ вышеописанному, благодаря «Новику» стало несравненно больше. Ревельская Военная гавань становилась тѣсновата для насъ, обыкновенныхъ кораблей. Мы, угольные миноносцы, для удобства и быстроты выхода изъ гавани становились попарно, а иногда по-три, на одинъ якорь; «Новикъ» же постоянно становился на два якоря, далеко и широко разнося ихъ по гавани какъ большой корабль (одинъ обыкновенно почти къ западному концу сѣвернаго больверка, другой у западнаго конца южнаго). Вслѣдствіе этого въ гавани становилось слишкомъ тѣсно отъ присутствія этого гиганта среди насъ. Флоту нужна была настоящая, вмѣстительная военная гавань — это всѣ мы давно ощущали и ясно сознавали всю цѣлесообразность постройки новаго порта Императора Петра Великаго. А пока мы, маленькіе, безъ особаго неудовольствія переносили тѣсноту и всѣ прочія неудобства отъ присутствія среди насъ старшаго брата — «Новика».

И не только мы, — моряки, чувствовали «его» присутствіе, но и ревельскіе жители всегда знали о приходѣ «Новика». Специфическій терпкій запахъ не-вполнѣ сгорѣвшей нефти распространялся далеко отъ него и, разносимый свѣжимъ вестъ-зюйдъ-вестомъ или вестъ-нордъ-вестомъ, забивался во всѣ укромные уголки Екатеринентальскаго парка, ощущался на Глиняной улицѣ и порой чувствовался даже на Вышъ-Городѣ; тогда обыватели говорили: «Новикъ» пришелъ!

Да, скрыть нельзя, это было его непріятнымъ свойствомъ

*) Съ якоря и швартововъ снимались обыкновенно "всѣ разомъ".

и порой, въ штилевые жаркіе дни, рядомъ стоящіе корабли нѣсколько страдали отъ этого запаха несгорѣвшей нефти, и бывало побранивали его. Но это было лишь въ 1912 году, когда личный составъ «Новика» еще не вполнѣ научился достигать бездымнаго сгоранія нефти.

Въ 1912 году «Новикъ» отошелъ отъ Путиловскаго завода и сталъ сдавать всевозможные контрактные пробы и испытанія по турбинамъ, котламъ, вспомогательнымъ механизмамъ, артиллеріи, минному вооруженію и проч.

«Новикъ» первый *) имѣлъ главнымъ двигателемъ турбины и котлы съ нефтянымъ отопленіемъ.

Весь 1912 годъ и ранняя весна 1913 года были посвящены испытаніямъ и практикѣ въ обращеніи съ новѣйшими механизмами громадной мощности. Пріобрѣтеніе опыта и навыка управленія ими потребовало отъ личнаго состава много неустанной и напряженной работы, много неослабнаго вниманія въ соблюденіи всѣхъ необходимыхъ техническихъ инструкцій, предписываемыхъ заводской администраціей и спеціалистами инженерами. **)

Вначалѣ, при первыхъ заводскихъ пробахъ, судовая команда только наблюдала за работой заводскихъ спеціалистовъ-рабочихъ, указателей и инженеровъ; позже часть заводскихъ людей была замѣнена нашими, судовыми, уже достаточно освоившимися со сложными и нѣжными механизмами корабля. Такъ шло обученіе личнаго состава, который быстро освоился со всѣми новшествами и становился все болѣе и болѣе самостоятельнымъ. Но, какъ ни тщательно заводскія силы слѣдили за выполненіемъ техническихъ требованій при дѣйствіяхъ и обращеніи съ механизмами и котлами, какъ заводскими рабочими, такъ и судовой командой, все же ученье обошлось не безъ уроковъ, и довольно серьезныхъ для нѣкоторыхъ изъ машинной команды и рабочихъ.

Во время одной изъ заводскихъ пробъ потребовалось вновь ввести въ дѣйствіе котелъ, незадолго до этого остановленный. Данная инструкція была выполнена неточно и, при поднесеніи горящаго факела къ отверстію топки съ цѣлью воспламенить нефть у форсунки, получился взрывъ. По объясненію заводскихъ авторитетовъ, взорвалась гремучая

*) Не считая миноноски "Ласточка", бывшая "Каролина", находившаяся въ Учебномъ Отрядѣ Морского Инженернаго Училища для практики воспитанниковъ.
**) Полная мощность машинъ до 40.000 IHP.

чая смѣсь, образовавшаяся отъ соединенія воздуха и продуктовъ разложенія несгорѣвшей горячей нефти, скопившейся на раскаленномъ днѣ котла. Пламенемъ, выброшеннымъ черезъ всѣ имѣвшіяся отверстія въ передней стѣнкѣ котла, у трехъ или четырехъ кочегаровъ и заводскихъ рабочихъ были опалены и обожжены части тѣла: лицо, руки до локтей, шея, часть груди *). Пострадавшіе — кто былъ выведенъ на верхнюю палубу, а кто и самостоятельно выбрался на вольный воздухъ, но всѣ казались совершенно арапами — кожа открытыхъ частей тѣла была черна, обгорѣла и кое гдѣ висела лохмотьями, на рукахъ же могла быть снята какъ перчатки. Пламя дѣйствовало столь короткое время, что влажное бѣлье и одежда ни на одномъ человѣкѣ даже не начала тлѣть. Къ счастью, никто изъ обожженныхъ не ослѣпъ — всѣ инстинктивно успѣли закрыть глаза въ моментъ взрыва. Поврежденія отъ крещенія огнемъ скоро зажили. Вышеописанный случай воочію показалъ всей командѣ, какъ важно было исполнять всѣ инструкціи и приказанія знающихъ лицъ, и уже послѣ этого урока поголовно всѣ кочегары знали что надо было дѣлать въ томъ или иномъ случаѣ. Никому, конечно, не хотѣлось стать уродомъ или распрощаться съ жизнью по своей оплошности. Котлу отъ происшедшаго взрыва не было причинено какой-либо видимой порчи. Онъ, послѣ полученной встряски, продолжалъ исправно работать, развѣ только нѣсколько водогрѣйныхъ трубокъ могли ослабнуть въ соединеніяхъ съ коллекторами и дать впослѣдствіи течь.

За постройкой «Новика» съ живымъ интересомъ слѣдили не только во флотѣ и Морскомъ Вѣдомствѣ, имъ интересовалась также и столица. Самъ Государь справлялся о ходѣ его постройки у Морского Министра и, во время одного изъ докладовъ, Его Величество выразилъ желаніе присутствовать при пробѣ миноносца на полный ходъ.

Лѣтомъ 1912 года, какъ мнѣ помнится, Государь прибылъ на «Новикъ» въ сопровожденіи Морского Министра адмирала Григоровича и свиты. «Новикъ» вышелъ въ море для испытанія механизмовъ. Было предположено развить высшую, предѣльную скорость. Условія погоды благопріятствовали: солнце свѣтило, въ морѣ было тихо и немного мглисто, дулъ легкій пріятный вѣтерокъ. Пройдя Большой Кронштадтскій

*) При работѣ въ кочегаркѣ люди носили очень мало одежды, чтобы сподручнѣе было работать, да и не такъ жарко.

рейдъ и миновавъ Толбухинъ маякъ, «Новикъ» сталъ постепенно увеличивать ходъ. Въ кочегаркахъ и турбинныхъ отдѣленіяхъ шла лихорадочно-нервная работа. Заводскіе инженеры, механики, нѣмецкіе инструктора, руководившіе испытаніями, наши наиболѣе опытные люди — всѣ были совершенно поглощены своимъ дѣломъ: они какъ бы превратились сами въ одну изъ составныхъ частей сложной установки, внимательно слѣдя за дѣйствіями механизмовъ, стараясь не допустить ни единой малѣйшей ошибки, которая могла бы повліять на скорость хода. «Новикъ» несся, разрѣзая тихія воды Финскаго залива.

— «Корабль къ осмотру!» — раздалась команда съ ходового мостика; Государь сталъ обходить всѣ помѣщенія корабля, не оставляя ничего безъ вниманія и даже спускался въ одно изъ котельныхъ отдѣленій (кажется въ 3-ю кочегарку), чтобы воочію убѣдиться въ адѣ, который царилъ тамъ.

Чтобы попасть въ кочегарку, вы сначала попадаете въ ея преддверье - чистилище — «кочегарную выгородку или шахту» — видомъ напоминающую колодезный срубъ, футовъ 12 глубиной и 3-3-1/2 фута шириной, съ двумя выходами, одинъ во-внутрь кочегарнаго отдѣленія съ герметической дверью, и другой на верхнюю палубу, въ видѣ горловины, тоже съ герметической круглой крышкой. Выгородка тѣсна, въ ней едва могутъ стоять двое одновременно. Въ нишѣ, на одной изъ стѣнокъ ея, установленъ телефонъ — одно изъ переговорныхъ средствъ съ другими отдѣленіями, послѣднее слово техники и усовершенствованія; въ самой кочегаркѣ имѣется электрическій телеграфъ для полученія краткихъ свѣтовыхъ приказаній изъ машиннаго отдѣленія. Чтобы попасть въ котельное отдѣленіе, вы открываете горловину на верхней палубѣ, діаметромъ немного больше ширины плечъ взрослаго человѣка, и спускаетесь по желѣзнымъ скобкамъ, вдѣланнымъ въ стѣнку выгородки. Достаточно спустившись, вы обязательно должны закрыть крышку, иначе не сможете отворить дверь въ кочегарку: давленіе воздуха изнутри держитъ дверь плотно прижатой. Но вотъ вы на днѣ шахты-выгородки, позабывъ, второпяхъ, задраить горловину; съ громаднымъ усиліемъ, и только на мгновеніе, вы пріоткрыли кочегарную дверь, которая, слегка отпущенная вами, снова съ силой захлопывается, едва не оторвавъ вашъ носъ или пальцы, или защемляетъ полу вашего пальто или кителя своими острыми

закраинами. Лишь только вы приходите въ себя отъ случившагося, какъ замѣчаете отсутствіе фуражки — она была сорвана тѣмъ же порывомъ воздуха, вырвавшагося изъ кочегарки, и вынесена наверхъ, въ лучшемъ случаѣ на палубу, а то и за бортъ. *) Наконецъ, выполнивъ всѣ требованія сопряженныя съ проникновеніемъ въ кочегарку, вы достигаете намѣченной цѣли — вы попадаете въ адъ. Очутившись въ кочегаркѣ, вы мгновенно хватаетесь за уши, т. к. чувствуете что-то неладное съ барабанными перепонками — это отъ быстрой перемѣны атмосфернаго нормальнаго давленія къ давленію воздуха въ кочегаркѣ. Разговаривать здѣсь физически невозможно, надо кричать въ самое ухо слушателю изъ-за невѣроятнаго шума, производимаго крылатками вдувныхъ воздушныхъ вентиляторовъ, поддерживающихъ необходимый напоръ воздуха для интенсивнаго бездымнаго сгоранія нефти. Объясняетесь знаками, если не хотите орать на ухо сосѣду. Къ шуму вентиляторныхъ машинъ примѣшиваются протяжно-стонущіе звуки масляныхъ насосовъ. Одновременно вы слышите непрерывное щелканіе какъ-бы бича — это работаютъ водяные насосы; къ нимъ присоединяются своимъ скрипомъ нефтяные насосы. Глаза ваши слѣпитъ яркое пламя сгорающей нефти. Сверху, съ боковъ, — отовсюду — ваша одежда пронизывается горячими каплями и брызгами масла и воды, въ изобилии носящимися въ воздухѣ. Вы не сразу приходите въ себя отъ всего этого хаоса звуковъ и ощущеній. Оглядѣвшись кругомъ въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи, вы начинаете различать людей, почти раздѣтыхъ, покрытыхъ потомъ отъ жары и усиленной работы, сосредоточившихъ свое вниманіе на всевозможныхъ контрольныхъ приборахъ и работающихъ механизмахъ. Они напряженно слѣдятъ за частыми звонками машиннаго телеграфа и свѣтовыми сигналами, указывающими отдаваемыя приказанія изъ турбиннаго отдѣленія. Люди, работающіе въ кочегарныхъ отдѣленіяхъ (ихъ 3), обыкновенно рѣдко замѣчаютъ входящихъ. Адскій шумъ и сосредоточенно-нервная работа всецѣло поглощаетъ ихъ вниманіе. Они лаконически отвѣчаютъ на задаваемые вопросы, крича прямо на ухо спрашивающаго. Они не особенно любятъ разспросы: это можетъ отвлечь ихъ вниманіе и отозваться на исправномъ дѣйствіи механизмовъ, и вызвать лиш-

*) Много матросовъ утеряли свои фуражки прежде чѣмъ привыкли закрывать верхнюю горловину кочегарной выгородки-шахты.

ній телеграфный сигналъ, или даже здоровую нахлобучку изъ турбиннаго отдѣленія отъ вахтеннаго механика.

Государь, бросивъ пытливые взоры во всѣ углы темноватой кочегарки, постоялъ нѣкоторое время и вышелъ. Я, какъ сейчасъ, помню имѣвшуюся на «Новикѣ» въ корабельномъ альбомѣ фотографію, запечатлѣвшую моментъ, когда Государь ,выходящій изъ кочегарки, наполовину показался надъ входной горловиной, одной рукой держась за нее, а другой придерживая фуражку. Онъ весело улыбается низко склонившемуся къ Нему Морскому Министру адмиралу Григоровичу, видимо выслушивающему впечатлѣнія о только-что виденномъ. Когда затѣмъ были послѣдовательно осмотрены турбинныя отдѣленія, кормовое жилое командное и другія помѣщенія, подошло время къ 11:30 утра — моменту подачи «пробы». На правомъ шкафутѣ, недалеко отъ командназо камбуза стоялъ кокъ съ пробой. Государь изволилъ попробовать командный паекъ, хвалилъ хорошее качество и благодарилъ за умѣлое приготовленіе и, закончивъ этимъ осмотръ корабля, прослѣдовалъ въ офицерское помѣщеніе. Здѣсь, въ каютъ-компаніи, по просьбѣ Старшаго офицера, Государь соизволилъ начертать «Николай» на своемъ портретѣ, снятомъ съ переборки каютъ-компаніи. Это высочайшее посѣщеніе было запечатлѣно на многихъ фотографическихъ снимкахъ, сдѣланныхъ Путиловскимъ заводомъ.*) Впослѣдствіи цѣлый альбомъ ихъ былъ поднесенъ заводомъ каютъ-компаніи въ воспоминаніе объ этомъ памятномъ событіи.

Какъ ни понравился «Новикъ» Государю, какъ ни хорошо прошла проба на самый полный ходъ, однако достигнуть контрактнаго числа оборотовъ (625 въ минуту) главныхъ турбинъ «Новикъ» не смогъ. Не далъ онъ и обусловленной контрактной скорости (36 узловъ), назначенной нѣмцами на бумагѣ. Подгонка гребныхъ винтовъ съ разными «шагами» мало приблизила ихъ къ желаемому результату, и заводу «Вулканъ» пришлось выполнять одинъ изъ пунктовъ контракта — увеличить паропроизводительную мощность котловъ для достиженія скорости въ 36 узловъ, то-есть надобно было мѣнять котлы. Заводъ не упорствовалъ на отклоненіи этого пункта контракта, согласно которому онъ могъ лишь

*) Къ сожалѣнію такъ только пишется, на самомъ дѣлѣ должно выговариваться — "сдѣланныхъ нѣмецкимъ заводомъ "Вулканъ", строившимъ всѣ механизмы "Новика".

уплатить штрафъ за каждый недотянутый узелъ хода. Наоборотъ, нѣмецкимъ инженерамъ даже необходимо было, въ своихъ интересахъ, выполнить этотъ контрактный параграфъ: на «Новикѣ», а не на своемъ собственномъ кораблѣ, они учились и въ «дѣйствительности» провѣряли правильность своихъ вычисленій *), добытыхъ экспериментальнымъ путемъ въ опытномъ бассейнѣ. Имъ нечего было опасаться испортить корабль другого государства но, для своего фатерланда, они пріобрѣтали рядъ цѣннѣйшихъ данныхъ, полученныхъ при пробахъ настоящаго корабля въ условіяхъ живой природы, а не модели подъ крышей опытнаго бассейна.

Въ подгонкѣ винтовъ, переборкѣ и пересмотрѣ механизмовъ и сборкѣ ихъ вновь, входахъ и выходахъ изъ доковъ, прошло лѣто, наступала осень, а окончательнымъ пріемнымъ испытаніямъ все еще не наступило момента. Упорные инженеры-нѣмцы желали во что бы то ни стало выяснить въ чемъ кроется загвоздка, изъ-за которой корабль не могъ быть сданъ въ казну. Досадная заминка въ достиженіи заданій волновала всѣхъ, какъ заводчиковъ, такъ, въ особенности, и личный составъ «Новика». Мытарствамъ не предвидѣлось конца, но отчасти это промедленіе имѣло и хорошую сторону, такъ-какъ дало возможность устранить второстепенные недочеты и конструктивные недостатки по артиллеріи, минному вооруженію, штурманской и морскимъ частямъ, ускользнувшимъ отъ глазъ конструкторовъ при составленіи проекта корабля. Такъ, были выяснены и устранены непорядки: въ гидравлическомъ управленіи рулевой машины, впервые установленномъ на миноносцахъ, надстроена передняя дымовая труба, отравлявшая всѣхъ на ходовомъ мостикѣ продуктами сгоранія нефти и превращавшая людей въ араповъ, продолжены до бортовъ крытья передняго ходового мостика, усилены кормовые отводы гребныхъ винтовъ и многое другое, всего не перечтешь, и теперь не вспомнишь. Дѣла было достаточно всѣмъ спеціалистамъ, и никто не сидѣлъ сложа руки въ теченіе заводскаго періода жизни «Новика».

Жизнь и дѣятельность на немъ бурлила ключемъ: возрождался флотъ, увеличивалось могущество страны Русской; каждый на «Новикѣ» это помнилъ и отъ всей души желалъ этого.

---

*) Конструировалъ турбины, котлы и прочіе механизмы "Новика" извѣстный нѣмецкій инженеръ Бауеръ, директоръ Штеттинскаго отдѣленія завода "Вулканъ".

Завѣтная мечта каждаго — вступленіе въ Дѣйствующій флотъ было совсѣмъ близехонько, но все не осуществлялось. И случилось, что это знаменательное и радостное событіе отдалилось на неопредѣленно долгое время изъ за одной неудачной пробы. Во время большого хода, машинная команда, еще неопытная и управлявшая главными механизмами подъ руководствомъ заводскихъ указателей, не усмотрѣла — а то и сами руководители пропустили критическій моментъ въ неисправно дѣйствующей системѣ механизмовъ *). Въ результатѣ — вода бросилась въ главную среднюю турбину и произвела въ ней, по мѣткому выраженію механиковъ, «винигретъ» изъ лопатокъ въ ея роторѣ. Случай этотъ былъ весьма непріятенъ для всѣхъ на кораблѣ. Много нервовъ это стоило командиру и старшему инженеръ-механику. Хорошо, что сдача корабля въ казну не была закончена и что проба совершалась подъ руководствомъ заводской администраціи и въ присутствіи гарантійнаго механика отъ завода «Вулканъ». Пришлось пожалѣть только объ удлиненіи періода испытаній, передѣлокъ, стоянокъ у заводовъ и отдаленіи срока зачисленія въ строевой составъ флота.

Наступала осень 1912 года. Каждому было ясно, что въ этомъ году «Новику» не вступить въ Дѣйствующій флотъ. А такъ хотѣлось всѣмъ поскорѣе оторваться отъ заводскихъ стѣнокъ и зажить общей жизнью съ флотомъ! Увы приходилось ждать слѣдующаго, 1913 года.

* * *

Остатокъ 1912 года прошелъ все въ томъ же: заботы и работы. Прошла зима, наступала весна 1913 года, оживлялась дѣятельность на флотѣ. А за минувшій зимній сезонъ рѣшилась судьба «Новика» съ точки зрѣнія механической, тактической и экономической — результатомъ чего было рѣшено послать его въ Германію къ заводу «Вулканъ», для окончательнаго завершенія постройки въ соотвѣтствіи съ данными, указанными въ контрактѣ. Дѣйствующему флоту хотѣлось получить боевую единицу, обладающею предуказанными данными, а для этого приходилось, ни много, ни мало, поставить болѣе мощные котлы съ соотвѣтствующими вспомогательными механизмами, исправить среднюю главную турбину и поставить новые гребные винты. Въ связи съ постанов-

*) Воздушные насосы не могли справиться со своей работой, стали захлебываться водой, которая попала въ главный роторъ средней турбины.

кой новыхъ котловъ, по объему больше стоящихъ, паровые коллекторы ихъ должны были нѣсколько выдаваться надъ верхней палубой и въ соотвѣтствіи съ этимъ приходилось вновь созидать надпалубную надстройку надъ всѣми кочегарными отдѣленіями высотой около 30 дюймовъ, которую впослѣдствіи мѣтко окрестили «гробомъ». Кромѣ этого новшества, было намѣчено исправленіе многихъ мелкихъ дефектовъ, выяснившихся по прочимъ частямъ втеченіе осени 1912 и зимы 1913 года. Короче говоря — нужно было поставить всю новую начинку въ кочегарки и среднюю турбину. Заводъ «Вулканъ» брался выполнить все это втеченіе 16 недѣль у себя въ Германіи. Ту же работу въ С.-Петербургѣ пришлось бы выполнить въ болѣе долгій срокъ изъ-за массы лишнихъ работъ по доставкѣ всего нужнаго изъ Германіи въ Россію, а также и по чисто техническимъ возможностямъ на нашемъ отечественномъ заводѣ. Заводъ «Вулканъ» брался выполнить всю эту работу безвозмездно. Ему было важно на практикѣ выяснить всѣ недочеты и погрѣшности теоретическихъ вычисленій своихъ инженеровъ, чтобы въ дальнѣйшемъ не допустить ихъ для своихъ кораблей.

Уже наступалъ апрѣль 1913 года, когда командиръ получилъ всѣ окончательныя директивы для похода въ Германію.

За время зимней стоянки въ личномъ составѣ «Новика» произошли перемѣны: младшій инж. мех. мичманъ В. Ф. Кваснецкій получилъ новое назначеніе, и на его мѣсто былъ назначенъ инж. мех. мичманъ А. А. Грибовскій, а незадолго до ухода заграницу выяснилось, что и штурманъ мичманъ К. В. Бутомо переводится на другой корабль. По счастливому стеченію обстоятельствъ случай замѣнить уходящаго штурмана выпалъ на мою долю. Вотъ какъ это произошло

Въ самомъ началѣ мая 1913 г. изъ-за границы вернулся транспортъ «Океанъ», на которомъ совершали свое практическое заграничное плаваніе слушатели гидрографическаго отдѣла Николаевской Морской Академіи (лейт. Страховъ, Третьяковъ, Мессеръ и еще нѣсколько, именъ коихъ не помню), слушатели офицерскаго штурманскаго класса и матросы — ученики Кронштадтской Машинной Школы. Среди слушателей Штурманскаго Класса былъ и я.

«Океанъ» пришелъ въ Кронштадтъ и всталъ на якорь на Маломъ Кронштадтскомъ рейдѣ. Оттуда намъ видно было все: корабли на рейдѣ, корабли во внутреннихъ гаваняхъ,

вышка Морского Телеграфа, Морской Соборъ, берега материка и, даже, далекій златоглавый Исаакій, *) сіявшій подъ лучами яснаго майскаго солнца и указывающій направленіе въ Сѣверную Пальмиру (С. П. Б.). Всѣ прелести берега и родныхъ дорогихъ мѣстъ не прельщали насъ, слушателей, въ данную минуту — всѣ помыслы наши были сосредоточены на астрономіи, навигаціи, лоціи, девіаціи — наукахъ спеціальности, въ которой мы готовились блеснуть своими познаніями передъ экзаменаціонной комиссіей. Окончательные экзамены слушателямъ были въ полномъ разгарѣ. Экзаменовала цѣлая комиссія спеціалистовъ, присланныхъ изъ С.-Петербурга. Среди насъ, экзаменовавшихся, велись оживленные разговоры о томъ, кто куда собирается попасть послѣ выпуска; цѣлая группа отправлялась въ Черное море, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали вновь приняться за работу во флотѣ и использовать полученныя знанія избранной спеціальности.

Второго мая, во время обѣда (12 ч. дня), въ каютъ-компанію приходитъ разсыльный отъ вахтеннаго начальника и подаетъ Старшему Офицеру грифельную доску; тотъ читаетъ написанное, отдаетъ ее обратно разсыльному и направляетъ его ко мнѣ... Беру въ свою очередь доску и читаю записанный сигнальщикомъ семафоръ: — съ эск. мин. «Новикъ» мичману Кемарскому: «Привѣтствую съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ-за границы. Могу ли сегодня днемъ видѣть тебя и поговорить по дѣлу? Мичманъ Максимовичъ». — Отвѣчаю: — «Спасибо, дружище, за привѣтъ, буду ждать тебя, пріѣзжай когда удобнѣе». Я давно не видѣлъ моего пріятеля и ждалъ съ нетерпѣніемъ его прибытія. Еще въ Корпусѣ мы ходили другъ-къ-другу въ гости, вмѣстѣ коротали досуги и было о чемъ поговорить и что вспомнить. Наконецъ, онъ появился на «Океанѣ»; я встрѣтилъ его на шканцахъ, мы обнялись, расцѣловались... Повидаться, однако, намъ пришлось недолго. Онъ, какъ сообщилъ уже семафоромъ, пріѣхалъ ко мнѣ по дѣлу и спѣшилъ обратно на корабль. Не вдаваясь въ лишніе разговоры онъ сообщилъ, что они, — новиковцы, держали совѣтъ въ каютъ-компаніи, обсуждая вопросъ кого изъ штурмановъ пригласить замѣстить освобождающуюся вакансію, и вотъ, рѣшили пригласить меня. — «Я, — сказалъ Максимовичъ, — присланъ представителемъ каютъ-компаніи «Новика» спросить тебя, желалъ ли бы ты занять должность

*) Исаакіевскій соборъ въ СПБ.

штурмана «Новика»? Въ случаѣ твоего согласія мы, черезъ Старшаго Офицера, будемъ просить командира ходатайствовать о твоемъ назначеніи у Командующаго Флотомъ. Съ отвѣтомъ задерживаться нельзя, такъ какъ «Новикъ» срочно готовится къ походу въ Германію». —

Что было отвѣчать?... Долго раздумывать не приходилось, надо было рѣшить тутъ же, сію минуту дать отвѣтъ — «да» или «нѣтъ». Въ данный моментъ у меня было нѣсколько предложеній занять ту или другую ваканцію; всѣ онѣ промелькнули у меня въ головѣ, всѣхъ ихъ пришлось сравнить всѣ были хороши и исходили отъ уважаемыхъ начальниковъ и руководителей-спеціалистовъ, но послѣднее предложеніе и приглашеніе, быть на новѣйшемъ, быстроходнѣйшемъ современномъ боевомъ кораблѣ на самостоятельной должности перевѣсило все остальное и рѣшило, какой долженъ быть мой отвѣтъ. — «Да, я согласенъ, Мишукъ» — такъ сокращенно мы, всѣ однокашники, звали еще съ Морского Корпуса мичмана Мих. Мих. Максимовича — «я хочу быть на «Новикѣ» сочленомъ вашей каютъ-компаніи. Передай Старшему Офицеру и каютъ-компаніи, что я весьма признателенъ и очень благодарю ихъ за предложенную честь и постараюсь оправдать ее на дѣлѣ».

Перекинувшись еще нѣсколькими словами о своихъ ближнихъ, мы разстались. 4-го мая, до полдня, изъ Штаба Командующаго Балтійскимъ Флотомъ, на имя командира учеб. судна «Океанъ» кап. 1 р. Григорьева, пришла радіотелеграмма съ распоряженіемъ «немедленно» списать меня на эск. мин. «Новикъ». Къ вечеру того же дня, не окончивъ экзаменовъ, я уже явился Старшему Офицеру и командиру «Новика».

Переѣзжать мнѣ было недалеко, всего съ Малаго Кронштадтскаго рейда въ Военную гавань, въ которой нашъ красавецъ стоялъ ошвартовленнымъ къ стѣнкѣ Петровскаго дока. Какое незабываемое, радостное, благоговѣйно-жуткое чувство, охватило меня, когда я, впервые, ступилъ на палубу «Новика»: я попадалъ на выдающійся корабль Россійскаго Императорскаго Флота, къ незаурядному командиру и, притомъ, на самостоятельную отвѣтственную должность! Робость быстро покинула меня, когда я попалъ въ среду офицеровъ, составлявшихъ каютъ-компанію. Ихъ отношеніе ко мнѣ сразу же дало мнѣ понять, что съ ними будетъ прекрасно служить и плавать, а командиръ — это Око Закона — не оставлялъ

желать лучшаго.

Въ первые же дни я освоился съ порядкомъ службы на кораблѣ и сталъ чувствовать себя какъ дома. Единственно смущало меня лишь одно обстоятельство — это нѣсколько повышенное веселье послѣ ужина въ свободное время, но съ этимъ я освоился довольно быстро *). Нельзя забывать, что наша каютъ-компанія имѣла друзей на всемъ Балтійскомъ флотѣ, намъ приходилось держать представительство и быть въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣми. Къ тому же наша частная жизнь не отражалась на продуктивности исполненія нашихъ обязанностей. Каждое утро каждый изъ насъ былъ на своемъ мѣстѣ, исполняя возложенныя на него обязанности, и работы по приготовленію «Новика» къ походу заграницу быстро приближались къ концу.

По штурманской части ближайшими помощниками моими были два унтеръ-офицера — два Петра — сигнальный старшина Петръ Косовъ и рулевой старшина Петръ Бакунъ. Первый, небольшого роста, сухой, мускулистый, живой, экспансивный, ловкій какъ обезьяна, обладалъ исключительнымъ по своей остротѣ зрѣніемъ, ночью видѣлъ, какъ кошка и могъ разглядѣть то, что всякій другой могъ бы разсмотрѣть только въ цейсовскій бинокль. Онъ принесъ не мало пользы во время Великой войны, замѣчая задолго до другихъ летящій аэропланъ, показавшагося непріятеля, плавающую мину загражденія, слѣдъ отъ выпущенной мины Уайтхеда, открывающійся маякъ или берегъ — онъ какъ-бы на 3 аршина подъ воду видѣлъ и на милю сквозь мглу и туманъ. Онъ былъ незамѣнимымъ: безъ него мы вѣроятно пропустили бы случай уничтожить нѣмецкій дозорный корабль у банки Спаунъ (ибо Косовъ единственный замѣтилъ его со всего отряда), находившійся приблизительно въ 25 миляхъ отъ Виндавы; могли бы не замѣтить плавающей мины загражденія къ весту отъ острова Даго, на которой все же подорвался эск. мин. «Забіяка», шедшій третьимъ въ колоннѣ строемъ пеленга, и многое другое. Второй — немного меньше шести футъ, флегматичный, сосредоточенный, разсудительный, знатокъ своего дѣла, съ полуслова понималъ желанія и намѣренія командира, показывалъ чудеса управленія «Новикомъ» (длина 336 футъ) въ шхерныхъ узкостяхъ, тѣсныхъ гаваняхъ и могъ держаться какъ пришитый за своимъ переднимъ мателотомъ

*) Конечно, это мое личное мнѣніе, я никого не принуждаю съ нимъ соглашаться.

идя въ кильватерной колоннѣ, задавая тонъ всѣмъ своимъ рулевымъ; да это было и къ лицу ему — онъ былъ уже сверхсрочно-служащій.

Съ ихъ помощью всѣ пріемки и сдачи навигаціонныхъ инструментовъ, картъ и лоцій были выполнены въ кратчайшее время и оставалось лишь дожидаться пока прочія спеціальности не закончатъ свои приготовленія. Около «Новика» всѣ эти дни было большое движеніе пловучихъ портовыхъ средствъ, свозившихъ всяческое корабельное снабженіе и имущество артиллерійское, минное, машинное, шхиперское, баталерское, не нужнаго во время пребыванія въ Германіи. Опустѣли погреба и каютъ-кладовыя и «Новикъ» высоко поднялся изъ воды. Послѣдними къ сдачѣ на храненіе оставались орудія и минные аппараты. Наконецъ, наканунѣ ухода изъ Кронштадта «Новикъ» перемѣнилъ мѣсто въ гавани и отдавъ по обыкновенію два якоря, кормой ошвартовался къ миноносному бону, *) стоявшему неподалеку отъ Петровской пристани въ Военной гавани. Тутъ было удобнѣе принимать нефть и сдавать орудія и минные аппараты. Не успѣли мы еще успокоиться послѣ аврала перемѣны мѣста, не успѣли присоединить электрическихъ проводовъ и трубъ парового отопленія съ близстоящаго «спеціальнаго бона», **) какъ къ намъ подвели нефтяныя баржи и начали подавать нефть для предстоящаго похода.

Вечеромъ этого дня, послѣ окончанія дневныхъ работъ всѣ кто могъ, кто не былъ связанъ службой, съѣхали на берегъ и даже отправились въ Питеръ, провести вечеръ въ кругу близкихъ друзей и родныхъ и пожелать имъ всего добраго передъ уходомъ въ плаваніе. Тихо было въ этотъ вечеръ на миноносцѣ, только нефтяные насосы монотонно-мѣрно тянули свою нескончаемую пѣснь, перекачивая нефть въ междудонныя нефтяныя хранилища нашего красавца, да трюмный старшина со своими подручными изрѣдка перекидывался дѣловыми фразами, заботясь равномѣрно распредѣлить горючее по междудоннымъ и бортовымъ отсѣкамъ, и тѣмъ дать правильный дифферентъ кораблю.

Быстро пролетѣли вечеръ и ночь передъ уходомъ для всѣхъ съѣхавшихъ на берегъ . . . Забрезжилъ свѣтъ погожаго утра 12 мая 1913 года.

---

*) Бонъ предназначенный для швартовки миноносцевъ.

**) Для сохраненія нѣжныхъ котловъ миноносцевъ и экономнаго расхода топлива на нихъ (нефть и уголь Кардифъ — дорогое удовольствіе) ихъ, при стоянкѣ въ портахъ обслуживали "спеціальные боны".

Неурочно рано всѣхъ насъ поднялъ на ноги шумъ на верхней палубѣ и громкіе голоса Вахтеннаго Начальника и боцмана, отдававшихъ приказанія. Это поспѣшно отводили послѣднія пустыя нефтяныя баржи, чтобы очистить мѣсто для большого пловучаго крана и баржи, приближавшихся на буксирѣ портоваго катера. Уже издали доносился громкій голосъ подполковника Ив. Ив. Зальца — Завѣдующаго Пловучими Средствами Кронштадтскаго Порта.

Ивана Ивановича Зальца всѣ знали въ Кронштадтѣ. Тотъ, кто не бывалъ въ этомъ порту не можетъ представить себѣ ту гигантскую работу, которая была возложена на него. Обслуживать всѣ корабли и кронштадтскія портовыя учрежденія подвижнымъ перевозочнымъ плавучимъ составомъ было дѣло не легкое: ежедневно, съ ранняго утра, въ конторѣ пловучихъ средствъ набивалась толпа корабельныхъ спеціалистовъ: баталеры, подшхиперы, машинные, артиллерійскіе, минно-машинные содержатели и ихъ юнги, командные артельщики и другіе — всѣ со «срочными» или «весьма срочными» требованіями пловучихъ средствъ для того или иного корабля и брали, что называется «на расхватъ» контору. Учитывая обстановку и зная лично всѣхъ командировъ и старшихъ-офицеровъ кораблей, подполковникъ И. И. Зальца весьма успѣшно справлялся съ этой хлопотливой и неблагодарной отраслью морского дѣла, самъ лично поспѣвая въ болѣе важныя и срочныя мѣста либо для помощи, либо для улаживанія какого-нибудь недоразумѣнія. Онъ былъ добрый морской волкъ, преданный своему дѣлу, всегда въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣми старшими офицерами и каютъ-компаніями.

Еще задолго до 8 часовъ утра Иванъ Ивановичъ появился на «Новикѣ», поздоровался со Старшимъ Офицеромъ и съ его разрѣшенія началъ распоряжаться съемкой орудій и минныхъ аппаратовъ. Пара другая звонкихъ характерныхъ приказаній пересыпанныхъ «морскими» выраженіями для подбадриванія работавшихъ, и всѣ наши пушки одна за другой повисли въ воздухѣ, минные аппараты были переданы на спеціальную портовую баржу, пришедшую съ краномъ. Быстро справившись съ работой, И. И. Зальца уже со своего катера попрощался съ нами, пожелалъ счастливаго плаванія и прослѣдовалъ дальше.

Насъ ничего больше не задерживало начать походъ.

(Окончаніе слѣдуетъ) .

БИБЛІОГРАФІЯ

MY LIFE

By Grand Admiral Erich Raeder, German Navy
Published by the U. S. Naval Institute.
Annapolis, Maryland.

Автобіографія Адмирала Германскаго Флота Е. Редеръ (1876-

«МОЯ ЖИЗНЬ»

За послѣдніе годы мнѣ пришлось перечитать очень много воспоминаній разныхъ лицъ, занимавшихъ за послѣдніе 50 лѣтъ видное положеніе въ жизни своихъ государствъ. Кое-кто изъ этихъ лицъ сохранится въ общей исторіи, кое-кто очень скоро забудется даже у своихъ. И это будетъ зависѣть не отъ ихъ автобіографій, а отъ того дѣйствительнаго вклада въ жизнь, который они дали и который останется въ памяти потомства.

Разница между автобіографіями и историческимъ обликомъ (если таковой сохранится) часто очень большая. Но есть рѣдкія исключенія, и къ нимъ принадлежитъ книга послѣдняго германскаго Морского Министра — адмирала Редера. Она полна такой личной скромностью, такимъ благородствомъ и благодарностью къ своимъ сотрудникамъ, что невольно преклоняешься передъ этимъ большимъ честнымъ морякомъ, и воиномъ, и администраторомъ. Книга написана адмираломъ послѣ его десятилѣтняго заключенія по постановленію «Шемякинскаго» Нюренбергскаго безапелляціоннаго суда. Написана она прекраснымъ, чистымъ языкомъ, такъ просто и ясно, что представляетъ интересъ не только для моряковъ; а намъ, такъ близко стоявшимъ ко всему описываемому, надлежало бы прочесть ее въ подлинникѣ или по англійски, въ изданіи:

U. S. Naval Institute (List price $ 6.00).

Д. І. Дараганъ.

ИЗДАНІЯ
ОБЩЕ-КАДЕТСКАГО ОБЪЕДИНЕНІЯ
Подъ редакціей А. А. Герингъ

ЖУРНАЛЪ

„ВОЕННАЯ БЫЛЬ“

Представители въ США :

В. А. Высоцкій: 410 Riverside Drive, Apt. 103-A,
New York 25, N. Y.

Г. А. Куторга: 272, 2-nd Av., San Francisco 18, Calif.

Ежемѣсячная военно-національная газета

„ВѢСТНИКЪ“

Представитель въ США :

Г. Месняевъ 1348 Sheridan Ave., Bronx 56, N. Y.
Цѣна номера .20 цен.

Наборъ и тисненіе типографіи "Монастырская печать". Монтреаль. Канада.
Printed by "Monastery Press", 8601, Bloomfield Ave. Montreal, Que. Canada.